
КЭТИ СВИТ
БЫВШИЙ
СПАСИ НАШУ
Любовь

Кэти Свит
Бывший. Спаси нашу Любовь

https://litres.ru/74824153

Аннотация

Бывший бросил меня, уехал в столицу и женился на другой. Не позвонил даже, когда погибла моя семья.

Теперь у меня на руках маленькая дочка, которой может помочь только он…

Сергей Карпов отличный реаниматолог. У него не бывает легких смен. На его счету множество спасенных людей. Но спасая чужие жизни, он не может разобраться в своей, ведь практически живет на работе.

Все меняется, когда к нему попадает ребенок – дочка его бывшей.

❤ ЧИТАТЬ ОТДЕЛЬНО МОЖНО! ❤ ХЭ ❤ ПРОШУ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ

Содержание

Глава 1. Таня 5
Глава 2. Таня 10
Глава 3. Сергей 16
Глава 4. Таня 21
Глава 5. Сергей 28
Глава 6. Таня 33
Глава 7. Сергей 38
Глава 8. Таня 43
Глава 9. Сергей 49
Глава 10. Таня 54
Глава 11. Таня 60
Глава 12. Сергей 66
Глава 13. Таня 71
Глава 14. Сергей 77
Глава 15. Таня 82
Глава 16. Сергей 89
Глава 17. Таня 96
Глава 18. Сергей 102
Глава 19. Таня 107
Глава 20. Сергей 111
Глава 21. Сергей 116
Глава 22. Таня 122
Глава 23. Таня 128

Глава 1. Таня

– Любочка сегодня слишком капризна, – в трубке звучит встревоженный голос воспитателя. – Вам нужно приехать.

– Я работаю. Меня никто не отпустит, – произношу с непомерным чувством вины. До сих пор корю себя, что моя девочка вынуждена в столь юном возрасте ходить в детский садик.

Любочке два с половиной и ее зачислили в сад. Не в ясли.

– Ваш ребенок плохо себя чувствует. Вы отказываетесь за ней приезжать? – спрашивает с укоризной. – Мы уже вывели Любу из группы. Она находится в кабинете медицинской сестры и пробудет там до вашего приезда. Одна, – подчеркивает особо.

Только стоит представить мою малышку одну, без привычных рядом ей людей и стен, как сердце моментально сжимается.

Нет. Ни в коем случае нельзя этого допустить!

Мне немедленно нужно приехать к малышке.

– Я вас услышала, – произношу стреляя глазами в сторону настенных часов.

Через несколько минут наступает обеденное время.

– Через сколько вас ждать? – не унимается со своими вопросами женщина.

– Как только отпустят с работы, – отвечаю чистую правду.

О том, что решаю пропустить обед и поехать в сад решаю промолчать. Пока еще не понятно выйдет у меня или нет.

Может не получиться.

Расспрашиваю воспитательницу про симптомы и про жалобы, пытаюсь сопоставить с тем, что было утром. Любочка у меня весьма терпеливая девочка и то, что она никак не может успокоиться меня не на шутку беспокоит.

Может быть съела что-то не то? Ей ведь нельзя куриный белок.

У малышки у него аллергия.

– Лизка, – подхожу к своей напарнице. – Выручай. Мне нужно уехать. Подменишь?

– Опять? – устало закатывает глаза. Словно я каждый день прошу ее об этом.

– Люба плачет и воспитательница попросила ее забрать, – коротко сообщаю суть своего разговора.

Вдаваться в подробности времени нет.

– Тань, ну что ты вечно кипишуешь? Нормально там все, – Лизка отмахивается от моих переживаний как от назойливой мухи. – Воспитатели вечно преувеличивают. Они ответственность за ребенка брать не хотят, – заявляет с умным видом.

У самой детей нет, а говорит так, будто как минимум пятеро. Вечно все знает.

Завожусь.

И тут же заставляю себя унять накатывающее раздраже-

ние.

Каждый из нас проходит свой жизненный путь и тот, у кого он легче, никогда не поймет того, у кого жизнь состоит из преодоления препятствий.

Мне двадцать пять лет и я через столько всего прошла… Врагу не пожелаешь.

– Ну подмени меня, – прошу засовывая гордость как можно глубже. Сейчас не до нее, мне нужно к малышке. – Я быстро, – клятвенно обещаю. – До сада и обратно.

Здесь ехать на самом деле пятнадцать минут. Я доберусь до Любы, поговорю с медсестрой и воспитателем, заберу малышку и вернусь обратно.

– У меня обед, – напарница словно меня не слышит. Игнорирует мою просьбу и показывает на часы. – А у вас адаптационный период! – заявляет с умным видом.

Закатываю глаза. Она упрямее барана, вот честное слово.

Наш адаптационный период закончился два месяца назад. Как раз перед тем, когда я вышла на полную ставку.

– Не подменишь? – спрашиваю еще раз. Закипаю.

Лизка бросает на меня весьма красноречивый взгляд и достает из сумки контейнер с домашней едой.

– У меня обед, – заявляет невозмутимо.

Коза!

– А у меня там ребенок плачет, – произношу не сдерживая раздражения. Начинаю психовать.

Как можно ставить себя выше заболевшего ребенка?

Если она поест на сорок минут позже ничего страшного не случится, ей даже на пользу пойдет.

А вот если у моей малышки что-то серьезное, то эти пресловутые сорок минут могут стать самыми долгими минутами в ее жизни.

У меня больше никого не осталось. Лишь она.

Поэтому я так сильно беспокоюсь о своей девочке. Это логично.

– Подумаешь плачет, – отмахивается словно это пустяк. – Это ребенок, – фыркает. – Поплачет и перестанет.

– Люба никогда не жалуется без реальной причины, – не отступаю от своего. – Ей плохо. Это не симуляция, если ты клонишь к этому.

– Я ни к чему не клоню, – отступает видя мою решительность. – Твоя Люба еще слишком мала, чтобы рассказать причину своего беспокойства.

– В том-то и дело! – вспыхиваю. Беру себя в руки и делаю глубокий вдох. Напоминаю, что от Лизы зависит смогу ли поехать сейчас к своей малышке.

Конечно, можно пойти в начальнице и попросить вместо обеда доехать до детского сада, ведь по сути это мой законный час на еду. Но она сегодня что-то совсем не в настроении и моя просьба может закончиться увольнением.

Месяц назад один такой инцидент произошел прямо перед моими глазами. До сих пор потряхивает, если честно.

– Чем мчаться на другой конец города, лучше б пошла на

обед, – продолжает умничать Лиза.

– Я лучше ребенка проверю, – парирую.

Не дожидаясь ее очередных нравоучений, хватаю сумочку и выскакиваю за дверь. Слышу, как в спину летит дикое возмущение.

Пропускаю все мимо ушей, выскакиваю на лестницу и бегу вниз, на ходу вызываю такси. Плевать на деньги. Плевать на предстоящие проблемы на работе.

Здоровье Любочки дороже всего этого.

_____

Соскучились по врачам?)) Мы с Музом тоже!

Встречайте историю Сергея Карпова и его Танечки!

Истории очень сильно нужна ваша поддержка, поэтому просим вас добавить книгу в библиотеку, ставить "нравится" и комментировать. Мы же с Музом в свою очередь будем стараться чаще радовать вас продами!

Глава 2. Таня

– Здесь ваша Люба, не беспокойтесь вы так, с ней все в порядке, – нравоучительным тоном говорит медсестра пропуская меня вперед. Она ведет себя так, словно все в порядке вещей и ничего страшного не случилось.

Только вот я так не считаю.

У меня не самый простой ребенок и я не могу отпустить контроль за ней и перестать переживать. Кроме доченьки у меня никого из семьи не осталось…

Моя малышка за свою короткую жизнь преодолела уже много трудностей и пережила достаточно всего, не каждый взрослый выдержит подобное, если честно. Любочка настоящий боец и мой маленький герой, она неоднократно доказала на что способна.

– Сами знаете, я не могу не волноваться за свою дочь, – признаюсь медсестре в очередной раз удивляясь ее хладнокровию. Ведь она в курсе наших проблем и определенных трудностей со здоровьем у Любы, так почему не переживает?

Считает, проблема сама рассосется?

При всем своем желании я не могу понять как можно зная всю историю ребенка оставаться такой невозмутимой и относится к плохому самочувствию Любочки совершенно спокойно. Нужно было сразу начать бить тревогу и вызывать меня с работы, а не дожидаться и “наблюдать”.

Чего дождались? Не понятно.

– Я дала ей обезболивающее, – говорит продолжая меня поражать своей некомпетентностью. – После этого Люба немного успокоилась.

Еще бы…

Как можно было дать лекарства ребенку без осмотра врача? Особенно, когда знаешь о его проблемах!

Внутри все пылает.

Мне приходится сделать над собой усилие и прекратить поддаваться эмоциям, ведь в них ничего хорошего нет. Разбираться с некомпетентностью медперсонала и грубыми нарушениями буду позже и с холодной головой.

Конкретно сейчас мне нужно заняться здоровьем своей девочки.

– Как давно дали? В какой дозе? Какое обезболивающее? – начинаю задавать важные вопросы. У меня нет времени на выяснение отношений и на скандал, хоть в данном случае он был весьма кстати.

Это ж надо было додуматься снять клинические проявления болей в животе у ребенка с нездоровым кишечником! И ведь знает об этом… Я предупреждала их всех!

К моей девочке нужен особый подход и это не моя прихоть, а жизненная необходимость.

Как мне теперь объяснять врачам симптоматику? Как им понять?

Снова придется подвергать малышку куче лишних обсле-

дований…

Пусть внешне Любочка выглядит совершенно обычным ребенком, но это не совсем так. Да, психически и умственно от своих сверстников она никак не отстает и не отличается, но у моей малышки при рождении был обнаружен редкий порок и он останется с ней на всю жизнь. Даже несмотря на то, что мы в первый год ее жизни физически все исправили.

Одно дело сделать ряд операций, убрать "техническую" проблему и совсем другое ежедневно с этим всем жить.

Нужно неустанно следить за собственным здоровьем, питанием и физической активностью, заниматься определенными видами спорта и регулярно проходить реабилитацию. Правильный образ жизни только выглядит привлекательно, а по факту мне он далеко не так просто дается.

Но эту сторону никто кроме меня не видит и не знает, пусть так и остается. Я никого не хочу в нее посвящать.

– Два часа назад я дала ей возрастную порцию вот этого препарата, – медсестра показывает бутылек с известным жаропонижающим и обезболивающем и я немного выдыхаю. Хорошо, что спазмолитик не додумалась дать.

Но чем больше она говорит и делится своими наблюдениями, тем сильнее мне хочется на нее наругаться. Эмоции кипят внутри.

Чтобы не сорваться и не высказать все, что думаю по поводу вмешательства в лечение моей Любочки, обгоняю медсестру и спешу вперед. Быстрым шагом захожу в медицин-

ский кабинет, вижу лежащую на кушетке малышку и позабыв обо всем на свете кидаюсь к ней. Она замечает меня, тянет ручки и хнычет.

– Ма-ма, – говорит поджимая дрожащие губы. Вот-вот расплачется навзрыд.

Обнимаю ее. Крепко-крепко.

– Маленькая моя, я здесь. Все будет хорошо, – шепчу с трудом перебарывая нарастающую тревогу. Я еще никогда прежде не видела свою девочку в таком состоянии. – Где больно? – спрашиваю чуть отстраняясь, пробегаюсь пытливым взглядом по малышке, внимательно осматриваю дочку и прихожу к неутешительному выводу.

Все серьезно.

Кое-как переборов свои страхи и нарастающую панику, выясняю основные симптомы беспокоящие мою дочь. Чем больше узнаю, тем сильнее тревожусь.

Самой мне не справиться, нужна профессиональная и компетентная помощь.

Трогаю малышку, как вдруг замечаю, что она слишком горячая. Целую ее в лоб.

Вдоль позвоночника пробегает холод.

– Вы температуру измеряли? – дрожащим от беспокойства голосом спрашиваю у детсадовского медика.

– Да, – кивает, но как-то неубедительно. Щурясь пристально смотрю на нее.

– Как давно? – уточняю.

Медсестра мнется.

Так, здесь все понятно. Раз так себя ведет, то значит температуру не изменяла.

– Дайте градусник, – прошу тоном не терпящим возражения. Внутри меня аж бомбит от возмущения, но я сдерживаюсь.

Практически из последних сил.

Какой толк возмущаться и что-то кому-то доказывать, если нужно действовать “здесь и сейчас”? Моей девочке помощь нужна, а не выяснение отношений.

Ставлю градусник, засекаю время и продолжаю расспрашивать обо всех мелочах, ведь любая из них может лежать в корне проблемы. Мне нужно четко понимать чем кормили и поили, может быть кто-то из детей угощение в честь дня рождения принес. Или, может, у кого из деток сегодня или вчера плохое самочувствие…

Только вот по словам медсестры у остальных детей со здоровьем порядок, сбоя в питании нет, новых продуктов не давали и угощение не приносили. Все отлично.

Практически, блин, идеально.

Но тогда что с моей девочкой? Почему ей становится хуже буквально на глазах?

Куда поехать с ней?

Кто ж его знает…

Достаю градусник, проверяю температуру и понимаю, что она достаточно высока. Мне с Любой нужно немедленно от-

правляться в больницу к хорошим и грамотным врачам.

Только вот таких нет в нашем городе, как бы трагично это не звучало.

– Лихорадка, – произношу убитым голосом и в этот самый момент моя малышка хватается за животик и начинает плакать.

Время останавливается.

– Вызываете “скорую”, – прошу не своим голосом.

– Да, конечно, – спохватывается медсестра кидаясь к телефону. – Сейчас вызову.

– Скорее!

___

С Любой все будет в порядке! Мы ее обязательно спасем!

Насчет порока развития. Угадали о чем речь?)

Глава 3. Сергей

– Серег, подмени меня, – в ординаторскую влетает Саня Хмельницкий. На его лице написана тревога и я сразу понимаю, что дело нечисто.

Санёк никогда бы просто так не сорвался с дежурства, он ответственный врач. Значит, приключилась беда.

– Подменю, не проблема, – заверяю его. Соглашаюсь без лишних слов прекрасно понимая всю серьёзность ситуации.

Хмельницкий меня много раз выручал, поэтому в своём решении я даже не сомневаюсь.

– Что случилось? – спрашиваю видя как поспешно Саня переодевается и норовит уйти поскорее.

– Василиса с детьми попала в ДТП, – отвечает не глядя. Своей новостью он ошарашивает меня.

– Сильно? Помощь нужна? Может реанимобиль к ним отправить? – тут же включаюсь в его проблему.

Случись с моими нечто подобное, уверен, он поступил бы так же.

– Сань, ты едешь? – в ординаторскую врывается Леха Высоцкий, жена Санька его сестра. – Привет, Серег! – дружески кивает мне, а сам остаётся совершенно серьезным.

– Ты тоже отпросился? – оборачивается Саня. – Ты ж на смене сейчас.

– Ты тоже, – парирует выпад.

– Лех, кто вместо тебя дежурит? – уточняю до того, как он убежит. Мне нужно понимать с кем я буду эту ночь работать.

– Майоров, Серег, – заверяет меня. Расслабляюсь. Мишка первоклассный спец, мы с ним шикарно друг друга понимаем.

– С ним не пропадёшь, – подмигивает улыбаясь.

О, да! Столько детей уже спасли! Со счета сбиться можно.

– С Серёгой тоже, – подмигивает Саня.

– Идите уже, – выпроваживаю их пропуская похвалу мимо ушей. Не до неё сейчас, дел слишком много.

Друзья вылетают из кабинета, а я беру лежащие на рабочем столе у Санька истории болезни его пациентов и начинаю вникать, хочу успеть изучить каждую пока на то есть время.

Мне нужно чётко понимать с какими заболеваниями у нас в отделении лежат дети, и по какой конкретной причине каждый из них находится здесь, ведь ситуации могут быть разными.

В основной массе в реанимацию переводят после операций, но бывают и исключения из правил.

Послеоперационный период делится на несколько фаз. Самая опасная из них та, что сначала.

Не даром именно в реанимации после наркоза пациенты приходят в себя, за ними нужен тотальный контроль, ведь это не шутки. Все зависит от каждой конкретной ситуации.

Если оперативное вмешательство было сложным и дли-

тельным, то пациента оставляют у нас на сутки и больше. Мы смотрим по анализам, восстановлению функций организма и по общему состоянию. Только обладая полной уверенностью, что острая фаза закончилась, переводим назад в отделение.

Порой бывает, что ребёнка из реанимации забирают в тот же день, как он поступил. Но это обычно редкие, лёгкие случаи.

У нас в центре есть несколько реанимационных отделений, у каждого своя специфика и свои врачи. Мы же работаем в реанимации хирургического корпуса. У нас в отделении исключительно дети, прошедшие через операционную или ожидающие свой черед. К сожалению, такие тоже имеются.

– Сергей Борисович, – ко мне заглядывает постовая медсестра. – Александр Петрович сказал, что вы сегодня дежурите, – говорит игриво стреляя глазами в мою сторону. Закусывает губу, накрашенную яркой помадой.

Не цепляет.

– Правильно сказал, – подтверждаю не ведясь на провокацию.

Знаю я её. Стоит только проявить хоть небольшую симпатию, так потом месяц хвостом будет ходить.

С Ириной нужно быть максимально осторожным.

У меня порой складывается ощущение, будто она чисто из принципа собирается выйти замуж за врача. Ей даже плевать из какого он будет отделения.

– Тогда к вам пришла мать Иванова, – говорит недовольная из-за моего равнодушия.

– Где она? – спрашиваю сразу же вспоминая диагноз и состояние ребенка.

– В коридоре, – фыркает.

– Скажи, что я сейчас подойду, – прошу не глядя на девушку.

Из стопки достаю нужную историю болезни, пробегаюсь взглядом по последним анализам, понимаю, что за последние несколько часов ничего не изменилось и с нелегким сердцем иду к матери малыша.

Случай у него не простой.

– Доктор, как там Ванечка? – спрашивает женщина с уставшими, но полными надежды глазами.

– Стабилен, – озвучиваю самое важное, что имеем.

– Хорошо, – выдыхает с небольшим облегчением. – Больше новостей нет?

– Вы ведь знаете, что в его случае стабильность состояния это уже хорошо, – подмечаю тщательно контролируя не только слова, но и тон, которым общаюсь с женщиной. Она переживает за своего ребенка и я ни в коем случае не должен расстраивать ее еще сильнее.

– К нему нельзя? – задает вопрос, на который заранее знает ответ.

– Увы, но нет, – отвечаю. – Вы знаете правила.

– Да, – печально вздыхает она.

Не успеваю договорить с убитой горем матерью, как ко мне подходит следующая. А за ней еще одна… и еще… Началось время посещения для родственников и в течение этого часа ко мне придет родитель практически каждого из моих пациентов.

Терпеливо отвечаю на вопросы встревоженных родственников, кого-то успокаиваю, кого-то обнадеживаю, а кому-то объясняю, что нужно набраться терпения и ждать новостей.

Едва успеваю закончить общение с посетителями, как спешу на обход. Затем меня вызывают на экстренную операцию, затем бегу в первую хирургию, там у них сложный пациент.

Ранний вечер постепенно превращается в ночь, на улице темень, а я так и не присел ни разу. Уже глубоко заполночь, когда я захожу в ординаторскую и могу, наконец, хотя бы просто присесть.

Достаю телефон, вижу на экране количество пропущенных. Качаю головой.

Пишу Светке, что сегодня остался в отделении и к ней приехать не смогу, извиняюсь скупо и заваливаюсь спать. Мне нужно хоть немного отдохнуть, иначе вторую смену подряд я не выдержу.

Глава 4. Таня

В приёмном отделении полно людей. Если честно, то я ничего подобного не ожидала и сейчас нахожусь в легком ступоре поскольку совершенно не понимаю в течение какого времени врач сможет осмотреть Любочку. Мне нужно, чтобы он пришел к нам сейчас!

Но он не придет… Теперь я это как никогда точно понимаю.

Больничные лавки забиты до отказа, далеко не всем удается присесть. Достаточно большое количество обратившихся за помощью людей вынуждено стоять в ожидании.

Ужасно.

– Как много, – разочарованно выдыхаю осматривая толпу. Я не была готова ни к чему подобному.

Хочется убраться отсюда как можно скорее и чем дольше нахожусь здесь, тем мое желание становится только острее.

– Ждите здесь, – говорит работница “Скорой” никоим образом не реагируя на мою фразу. Видимо, привыкла и не придает значения недовольству своих больных.

Она отвозит каталку с моей дочерью чуть в сторону и заходит в кабинет, где сидят медсестры. Плотно закрывает за собой дверь.

Мы с Любочкой остаемся одни. Я всё это время неустанно держу перепуганную дочку за руку.

– Мам, – похныкивает малышка испуганно озираясь по сторонам. Она впервые в сознательной жизни попала в больницу и не понимает, чего ей ждать. Волнуется.

– Да, моя хорошая, – подаюсь вперёд. Встаю так, чтобы Любочка меня видела. – Я рядышком, не переживай, – как могу успокаиваю доченьку.

Целую свою девочку в лоб и улыбаюсь пытаясь приободрить, но Любочке плохо и она только хнычет. Сказать словами нормально не может.

Сердце обливается кровью от осознания страданий, через которые проходит моя дочь. Смотрю на нее и самой больно.

– Скоро придёт врач, он осмотрит тебя и скажет как нам дальше быть, – рассказываю малышке дальнейший план. Пусть она не понимает и половины из того, что предстоит, но из-за своего беспокойства я не могу молчать. Эмоции переполняют.

На самом деле я привезла Любу в эту больницу исключительно ради анализов и обследования. Мне нужно четко понимать что приключилось с дочерью, ведь самостоятельно разобраться в симптомах не получается, а оттягивать и ждать, когда к нам придет педиатр нет никакого смысла. Без специального оборудования он тоже не разберется.

Я уже четко для себя решила, что у Любочки проблемы не хирургического характера, то мы отправимся домой и завтра утром поедем к нашему педиатру. Она пропишет правильное лечение, мы пройдем курс и все снова будет хорошо.

Но если моя интуиция окажется права и потребуется помощь хирурга, то я ни на секунду в этой больнице не задержусь. Схвачу дочь, вызову такси и отправлюсь в клинику, где Любу оперировали сразу же после рождения.

Плевать, что это находится в соседнем городе.

Я доверю свою девочку исключительно профессиональным и квалифицированным врачам, а не тем, которые лечат все и всех.

Краем глаза замечаю, как одна из сидящих на скамейке женщин подходит к кабинету, где сейчас находится работница "Скорой" и медсестры, стучит несколько раз и не дожидаясь ответа распахивает дверь. На её лице отражается последняя стадия возмущения.

– Сколько ещё ждать? – громким голосом задаёт вопрос. – Мы уже второй час сидим! Моему мужу плохо! – заявляет таким тоном словно все остальные на курорт приехали.

– Когда к нам придёт врач? – к ней подходит еще одна женщина и она тоже крайне недовольна длительным ожиданием. – Коридор полный, пустого места нет. Не присесть! У вас вообще совесть есть? Где доктор?

– Врач скоро придёт, – из кабинета вылетает равнодушный ответ. – Ожидайте.

Ненароком смотрю на очередь и понимаю, что люди на взводе.

– Вы то же самое говорили час назад, – подает голос сидящий на скамейке мужчина.

– Врач скоро подойдёт. Ожидайте, – прилетает и ему.

Мда… Видимо придется ждать осмотра до морковкиного заговенья…

Работница “Скорой” подходит ко мне. Ее взгляд остается спокойным и совершенно бесстрашным.

– Оставляю вас здесь, – озвучивает свершившийся факт. – Врач придет, осмотрит.

– Вы не знаете сколько ждать? – задаю единственный здравый вопрос. Если ждать долго, то нет никакого смысла торчать здесь.

Любочке плохо.

– Он сейчас на операции, – поясняет. – Долго.

– Я вас поняла, – киваю ей, а сама принимаюсь лихорадочно придумывать как быть дальше.

Дочка хнычет. Время уходит словно песок сквозь пальцы.

Нужно действовать.

Достаю телефон, набираю своему старому другу и прошу помочь. Он единственный кто в курсе проблем моей дочки.

– Таня, ну ты, блин, даешь, – говорит Степа бережно перекладывая Любочку с рук на заднее сидение своего авто. Он приехал через десять минут после нашего разговора и сразу же приступил к активным действиям.

Позвонил в Минздав, уточнил почему пациенты с острой болью находятся в коридоре вместе с инфекционными больными и почему ни к одним, ни к другим не приходит специалист. Он разнес персонал больницы в пух и прах, со скан-

далом забрал документы и теперь собирается отвезти нас за сотню километров к хорошим врачам.

– Почему сразу не позвонила? Ведь знаешь, что я всегда помогу, – говорит нравоучительно. – Ты с Любой для меня не чужие, – добавляет и многозначительно смотрит мне прямо в глаза.

– Знаю, – сдержанно киваю. – Пожалуйста, давай уже скорее поедем, – прошу кивая на машину.

– Не очкуй! – подмигиваем. – Довезу с ветерком.

Степан быстрыми уверенными движениями пристегивает малышку, помогает мне сесть рядом с ней, запрыгивает на водительское место и тут же начинает движение. Мигом вливается в автомобильный поток, перестраивается левее, мчит вперед.

Двигатель рычит под капотом.

– Нам повезло, пробок практически нет, – обнадеживает меня новостями. – Мигом домчим! – заверяет подмигивая.

Как я пытаюсь приободрить Любу, так же Степа стремится поддержать меня.

Все-таки хорошо, что я ему позвонила.

– Как дела на работе? – спрашивает пытаясь переключить мое внимание от переживаний. – Нравится в салоне?

– Точно! Работа! – вспыхиваю вместо того, чтобы рассказать как дела. – Спасибо, что напомнил!

Достаю телефон, набираю напарницу и слушаю длинные гудки в ожидании ответа. Посылаю мысленную мольбу.

– Алло, – в динамике раздается замученный голос Лизы. Выдыхаю немного.

– Это я, – говорю вместо приветствия. – Любочке плохо. Мы едем в больницу в центр. Прости, пожалуйста, что сразу не предупредила, как-то все разом навалилось.

Я прекрасно понимаю как сильно подставила напарницу, но бросить дочку не могу ни при каком раскладе. Все-таки работа всегда будет на втором месте.

На первом семья.

Точнее то, что от нее осталось…

– Танька, ну наконец-то ты объявилась! – говорит уже более бодро. – Должна будешь, – беззлобно отвечает. – Ты даже не представляешь каких трудов стоило тебя прикрыть!

– Прикрыть? – ахаю. – От кого? – не совсем понимаю.

– Мегера Михайловна приехала, – добавляет шепотом. – Она до сих пор здесь. Бдит.

От слов напарницы холодок пробегает вдоль позвоночника.

– Ой, – единственное, что могу произнести.

– Вот тебе и "ой", – говорит со знанием дела. – Я сказала будто у тебя прихватило живот, – предупреждает. – Учти! Завтра подобное уже не прокатит.

– Боюсь, завтра я не смогу выйти, – печально вздыхаю. Мне дико неудобно перед Лизой, но после всех наших "приключений" Любу не получится завтра отдать в детский сад. Даже если с малышкой все обойдется, мне нужны еще хотя

бы сутки на наблюдение.

Так правильно по отношению к дочери и ее здоровью.

– Поняла, не дура, – отмахивается. – Давай, лечи дочь. Мы что-нибудь придумаем.

– Спасибо! – благодарю с жаром.

Завершаю вызов, кладу в карман телефон и вдруг замечаю, что моя доченька уснула. Она сладко сопит.

– Степ, – зову друга. – Люба спит, – делюсь с ним маленькой радостью.

– Пускай поспит, – немного расслабляется он. – Сон, он лечебный.

– Это точно, – не могу не согласиться с ним.

Продолжаем гнать вперед. Впереди показывается город, затем ворота медицинского центра, а потом и вовсе мы без труда попадаем в большое и светлое приемное отделение, где только выслушав симптомы малышки, нас тут же провожают в отдельный бокс и вызывают врача.

Говорят, скоро будет.

Глава 5. Сергей

Телефонный звонок раздается прямо над моей головой, но я не сразу узнаю этот звук. Его звонкая трель разбивает в дребезги мой крепкий и глубокий сон, насильно вытаскивает в реал и заставляет проснуться.

Распахиваю глаза. Сажусь.

Озираюсь по сторонам пытаясь сообразить какое сейчас время суток, что происходит вокруг и почему я не могу нормально поспать. Мне требуется некоторое время, чтобы прийти в себя и понять где именно нахожусь, голова не варит.

Как ни крути, но вторые сутки без нормального отдыха делают свое дело.

В несознанке шарю рукой по карманам, достаю смартфон, снимаю блокировку с экрана и непонимающе смотрю на него. Помимо Светки меня никто не беспокоил.

Неужели звонок телефона мне приснился?

Только в голове мелькает обнадеживающая мысль, как трель повторяется.

Кто-то названивает на стационарный.

Поскольку на него просто так никто на него не позвонит, я тут же сбрасываю с себя остатки сонливости и не тратя даром ни единой лишней секунды поднимаюсь с дивана. Быстрым шагом направляюсь к столу, в темноте нащупываю аппарат

и поднимаю трубку.

– Карпов, – вместо приветственных слов называю свою фамилию. Я так делаю специально, чтобы звонящий сразу понимал с кем именно он общается, это значительно ускоряет процесс и упрощает жизнь. Бережет столь ценное для всех нас время. – Слушаю.

– Серег, спустись в приемное, – в трубке раздается голос Майорова. Он собран и серьезен, а это говорит лишь об одном… Ничего хорошего ждать не приходится.

– Насколько все плохо? – сразу же уточняю.

– Придешь и сам все увидишь, – уходит от прямого ответа, чем заставляет меня напрячься еще сильнее.

– Спускаюсь, – отвечаю быстро.

Прекрасно понимая, что Майоров ни при каких обстоятельствах не станет шутить подобными вещами, несколько раз умываю лицо холодной водой. Мне нужно как можно скорее проснуться.

Раз Миша попросил спуститься в приемное, то нужно идти. Другого варианта нет.

Там меня может ждать все, что угодно.

Бросаю беглый взгляд на стоящую на столе кружку с недопитым чаем, в один большущий глоток осушаю ее, хватаю халат и выхожу в коридор. На ходу предупреждаю Ирину, что ухожу из отделения.

В ожидании лифта привожу себя в относительный порядок.Надеваю халат, несколько раз провожу руками по лицу

пытаясь проснуться.

В сон клонит дико, холодная вода не помогла. Увы.

Кофе надо бы выпить, но это уже позже. Осмотр в приоритете при любом раскладе.

Звуковой сигнал оповещает о прибытии лифта. Захожу в кабину, нажимаю на кнопку первого этажа и пока спускаюсь решаю проверить мобильный. Мало ли что.

Только снимаю блокировку, как понимаю, что зря решил это сделать. Настроение тут же омрачается и становится поганым, три пропущенных от Светы и пять гневных сообщений, в которых она не сдерживаясь в эмоциях откровенно сообщает какой я безнадежный эгоист, влюбленный в свою работу идиот и все в таком духе. Мне даже не нужно открывать мессенджер и читать, чтобы понимать о чем там речь.

Все стандартно.

Бесит.

Раз я такая сволочь и гад, то что ж она со мной связалась тогда? В момент нашего знакомства я был таким же.

Выхожу из лифта, быстрым шагом направляюсь вперед. За годы работы больничные коридоры стали роднее домашних стен и я, кажется, любой могу пройти с закрытыми глазами и не разу ни во что не врезаться.

– В каком боксе Майоров? – интересуюсь у медсестер с приемного отделения.

– В пятом, – отзывается та, что сидит ближе к проходу. Поднимает голову, видит меня и тут же отставляет в сторону

бумаги, которые заполняла. – Вас проводить? – спрашивает поднимаясь из-за стола.

– Не нужно, – отвечаю на автомате, иду дальше не замедляя шаг – Работай.

Быстрым шагом дохожу до нужного бокса, без стука распахиваю дверь и застаю друга напротив плачущего ребенка.

– Мих, ты чего? – подхожу к нему, заглядываю через плечо и вижу лежащую на кушетке маленькую заплаканную девочку. Ее светлые волосики вылезли из хвостиков и растрепались, теперь намагниченные пристали к пеленке.

– Трогай живот, – освобождает мне место.

– Можно я тебя осмотрю? – спрашиваю у маленькой крохи, она начинает еще сильнее реветь. – Где ее мать? – интересуюсь у друга.

– Сейчас подойдет, – отвечает с каменным лицом.

Присаживаюсь на кушетку, поднимаю футболку и замечаю два весьма красноречивых тонких белых рубца.

– Колостома и илеостома? – поворачиваясь спрашиваю у друга. – Только не говори, что у нее была при рождении атрезия ануса, – настроение стремительно летит ко дну.

– Бессвищевая форма, – добивает меня. – Высокая атрезия, не клоака, что в ее случае удивительно на самом деле.

Ох, как все сложно.

– Кто оперировал? – спрашиваю предугадывая ответ.

– Я и Хмельницкий, – отвечает прекрасно понимая к чему именно клоню. – Они должны были приехать ко мне через

два месяца на обследование.

– А попали на операцию, – договариваю за товарища.

– Вероятнее всего, – печально кивает головой.

– Операцию? – за нашими спинами раздается перепуганный женский голос. От его звука меня простреливает насквозь сотнями стрел.

Не веря своим ушам разворачиваюсь и встречаюсь взглядом с той, которую больше никогда в своей жизни не рассчитывал увидеть.

– Таня? – охнереваю.

– Сергей? – ее брови шокированно подлетают наверх.

Не забывайте добавлять книгу в библиотеку и дарить звездочки) Любой ваш отклик очень важен для нас с Музом и для истории в целом))

Глава 6. Таня

– Ты что здесь делаешь? – не веря глазам смотрю на того, кто однажды разбил мое сердце на сотни мелких осколков.

Он бросил меня, уехал в столицу, женился на другой. Предал не только наши чувства, но и все, что между нами было.

Я осталась одна… с малышом под сердцем. С его сыном!

Которого потеряла в ту ночь, когда погибла вся моя семья. У меня осталась лишь убитая горем сестра, которую я потеряла немного позже.

Все, что у меня осталось, это Любовь. Малышка, которая не знает, что я не ее настоящая мама.

Карпов не мог не узнать о страшной трагедии, что случилась в нашем родном городе. Он не мог не узнать дом, в котором мы жили. Пусть, он на фото был выгоревший, но там писали адрес, а еще прикладывали фотографии нашего жилья до того страшного пожара.

– Вообще-то я здесь работаю, – отрезает сурово. – А вот что здесь делаешь ты, – смотрит на меня в упор. – Большой вопрос.

– Она мать ребенка, – вместо меня отвечает Михаил Александрович. Внутри все трясется от волнения.

Я никак не ожидала увидеть Сергея, ведь он должен был работать в другой больнице, не здесь. Перед тем, как переезжать в соседний с ним город я осторожно узнала в какой

клинике он работает, ведь имея на руках непростого ребенка нужно быть уверенной в отсутствии вот таких вот нежелательных встреч.

– У тебя есть дочь? – бывший не сводит с меня пристального взгляда. Он зол до бесконечности просто!

Кажется, если поднести к нему спичку, то Карпов тут же рванет.

– Она не твоя, – отрезаю упрямо. Скрещиваю руки на груди и краем глаза слежу за тем, как Михаил Александрович продолжает осматривать Любочку.

Ему явно не нравится ее состояние и это пугает. Наш врач обычно веселый и улыбчивый, а сейчас выглядит темнее тучи.

Видимо, все далеко не хорошо.

– Значит я был прав, когда расстался с тобой, – говорит отворачиваясь, а у меня от боли дыхание останавливается.

Разве можно говорить так гадко про все, что между нами было?.. Видимо только он для меня многое значил. Не наоборот.

Сергей направляется к столу с документами, берет в руки папку, открывает. Ухмылка на его губах превращается в яд..

– Судя по возрасту девочки, в момент нашего расставания ты была беременна, – говорит уже совсем иным тоном. Сверлит меня убийственным взглядом.

Не выдерживая напряжения делаю шаг назад.

Была. От тебя. Но ребенка сохранить не смогла. Я его по-

теряла через неделю после того, как ты меня бросил.

Любочка вдруг визжит и ее начинает тошнить. Позабыв обо всем на свете кидаюсь к своей дочери, сажаю, держу волосики, чтобы сильно не запачкались.

– Серег, ты осмотрел пациента? – строгим голосом спрашивает Михаил Александрович.

– Осмотрел, – отвечает Карпов старательно игнорируя мое присутствие.

– Что скажешь? – продолжает задавать вопросы Майоров.

– Кишечная спаечная непроходимость, – выносит неутешительный вердикт. – Кишечник забит. Медикаментозную терапию проводить бессмысленно, мы кишечник не запустим.

– Скорее разовьется перитонит, – подхватывает Михаил Александрович. – Это важнее, не находишь? – бросает на Сергея красноречивый взгляд.

Тот тут же замолкает.

Пыхтит недовольно, но свою злость сдерживает, а мне многого и не надо. Пусть не трогает только ни меня, ни мою Любовь.

Михаил Александрович с хмурым выражением лица поднимается, просит нас подождать и выходит из бокса. Мы остаемся одни.

– Она моя дочь? – спрашивает упрямо.

– Нет! – вспыхиваю.

– Правду говори! – требовательно рычит.

– Мама, – хнычет Люба, смотрит на меня глазами полными слез и боли. – Ай-я-я, – показывает на животик.

Ее снова тошнит.

– У нас нет времени на выяснение отношений! – говорю упрямо смотря ему прямо в глаза. Как он не понимает, что не до разборок нам. Ребенка надо вытаскивать! – Спаси ее, – молю. В глазах от отчаяния стоят слезы. – Разве не видишь, как сильно ей плохо? – показываю на дочку. — Смотри!

В бокс быстрым шагом залетает Майоров. Он сосредоточен и серьезен, как никогда.

– Серег, звони в операционную, – заявляет прямо. – Времени нет. Прямо отсюда поедем.

– Все так хреново? — Карпов подходит к коллеге, берет у него из рук какие-то листочки.

– Боюсь, что да.

От слов Михаила Александровича внутри все обрывается.

Ахаю.

– Татьяна, вам не о чем беспокоиться, – вставая передо мной заверяет Майоров. – Вы правильно сделали, что приехали к нам в клинику, – подбадривает. – Мы сейчас забираем Любу на операцию, она продлится несколько часов. Вы можете подождать в приемном отделении, а еще можете пройти с нами и остаться у дверей в оперблок. Что выбираете?

– С вами! – говорю с жаром.

Я прекрасно понимаю все риски, поэтому хочу находиться максимально близко к дочери.

– Тогда берите с собой вещи, снимайте верхнюю одежду и следуете за Сергеем, – кивает на Карпатова. – Он вас проводит.

– А Люба? – спрашиваю крепко держа дочку за руку.

– Люба останется со мной, – отрезает Майоров. – Мы с ней будем начнем подготовку к операции прямо здесь.

Медсестра по указке Михаила Александровича делает моей девочке укол. Она затихает, глаза вроде открыты, но разум такое ощущение, что не здесь.

Наклоняюсь к малышке, плачу, целую. В груди сердце разрывается от страха и боли.

– Не переживайте так сильно, – Майоров кладет руку мне на плечо приободряя. – Это успокоительное. Оно ей не навредит.

– Идем, – знакомые до боли крепкие руки обнимают меня и поднимают наверх. – Ты здесь больше ничем не поможешь, – говорит Сергей без прежней злости.

– Серег, встретимся в операционной, – напряженным голосом произносит Майоров.

– Я только отведу Таню к себе, – кидает через плечо и выводит меня из бокса.

Не видя ничего перед собой, иду рядом с человеком, который меня однажды предал и бросил. И от которого сейчас зависит жизнь единственного оставшегося у меня родного человека.

Моя племянница. Моя Любовь.

Глава 7. Сергей

– Серег, вот что ты устроил? – начинает отчитывать Майоров, а я только сильнее закипаю от его слов. – Не видишь, что девчонке плохо? – не сдерживая своего недовольства спрашивает в лоб. Злится. – У Любы перитонит на крани, мать у нее в шаге от истерики, а ты начинаешь копаться в прошлом. Это не имеет к делу никакого отношения, – добавляет таким тоном словно я мог этого не заметить.

– И что, Мих? Предлагаешь сделать вид будто все в порядке?– внутри все кипит от гнева, я никак не могу взять верх над эмоциями. Их слишком много и я оказался к такому не готов.

Таня для меня всегда была той, рядом с кем я становлюсь совершенно иным человеком. Я любил ее до беспамятства, готов был всю жизнь носить на руках и сдувать пылинки. Но она сделала свой выбор.

И он был не в мою пользу.

– Нет, – режет строго. – Но сейчас это все не важно, нам нужно ребенка вытаскивать, – говорит жестко. – Отношения выяснять будешь потом.

– Тебе не понять, – внутри все пылает. – Она была беременна от меня и не сказала ни слова! – произношу заводясь еще сильнее.

От одной только мысли меня начинает шарашить не по-

детски. Как Таня только могла скрыть от меня свою беременность?

Как?!

Взгляд ненароком опускается на спящую под наркозом малышку, в голове тут же возникают сотни мыслей и их поток уже толком не остановить.

Неужели это моя… дочь?

– Это сейчас так важно? – впивается в меня пристальным взглядом.

– А ты сам, как думаешь? – начинаю открыто противостоять ему.

Майоров крепко стискивает челюсть, аж желваки принимаются ходить ходуном. Молчит. В глазах бушует буря.

Меня бомбит.

Напряжение в операционной повышается до предела, я никак не могу справиться с нахлынувшими на меня воспоминаниями и чувствами. Таня одним своим появлением сожгла все предохранители в моей голове.

Нахрен всё!

Я до сих пор помню каждое слово из своего разговора с ее матерью. И про то, что я должен оставить Таню в покое, и про то, что она со мной из жалости, что не любит меня.

Если бы Таня тогда повела себя иначе, я б не поверил. Но ведь нужно смотреть по обстоятельствам… Да?

Настроение стремительно летит в пропасть. Заходить с таким на операцию крайне хреново, концентрации ноль.

Только вот у нас нет выбора, никто не спрашивает готов или нет, никого не интересует твое состояние. Каждый из нас ДОЛЖЕН взять себя в руки и спасти малышку несмотря ни на что.

– Парни, успел? – в операционную влетает запыхавшийся Ланской и атмосфера в помещении тут же меняется, с его появлением напряжение уходит словно его и не было.

Судя по взъерошенным волосам и заспанному, но вместе с тем растормошенному виду, Ланской совсем недавно дрых без задних ног.

– Без меня не начали? – спрашивает одновременно с этим окидывая помещение беглым взглядом. Видит лежащую на столе малышку и немного расслабляется.

Выдыхает.

– Не начали, – озвучиваю факт.

– Иди мойся! – командует ему Мишка, сам же следит за тем, как медсестры укладывают специальный материал вокруг брюшной полости.

– Я мигом! – достаточно бодрым голосом отзывается Димка и выходит за дверь.

Он достаточно быстро приводит себя в надлежащий вид, моется. Лиза, наша сегодняшняя операционная медсестра, помогает ему с маской, халатом и перчатками. Проходит всего несколько минут, как в дверях операционной при полном параде появляется Дима.

– Я готов! – говорит достаточно живо.

Послушать его и не скажешь, что человек совсем недавно спал непробудным сном.

– Он будет ассистировать? – удивленно смотрю на Ланского. Вот кого-кого, а его я увидеть не ожидал.

– Дима живёт ближе всех из моего отделения, – поясняет Майоров. – Ни с кем другим я на такую операцию не пойду.

– Логично, – киваю прекрасно понимая, что в конкретном случае Миша оказывается полностью прав.

Хирург всегда должен быть уверен в своей команде, ведь во время операции не бывает неважных мелочей. Иногда от этих самых "пустяков" зависит исход всего дела.

А здесь сразу понятно, что случай достаточно сложный.

Нужно не только жизнь малышки сберечь, но и минимизировать осложнения, ведь у нас на столе совсем еще кроха, у нее вся жизнь впереди.

– Эндоскопом пойдем? – интересуется Ланской подходя к столу и осматривая то, как уложили пеленки медсестры.

С какой-то стороны, конечно, круто было бы подстраховаться, ведь идти вслепую всегда большой риск, но судя по состоянию малышки и учитывая результаты анализов, сейчас лучше сразу приступать к лапаротомии.

Эндоскопический метод здесь не подходит, увы.

– У нас времени нет, – озвучивает суровую правду Майоров. – Серег, – поднимает на меня вопросительный взгляд. – У тебя все готово? – кивает на приборы.

Проверяю жизненные показатели, скорость поступления

лекарств и окончательно отбрасываю эмоции в сторону. Переключаюсь на рабочий лад.

– Начинайте, – разрешаю.

– Погнали! – бодро произносит Ланской.

– Скальпель, – Майоров протягивает руку ладонью вверх.

– Удачи всем нам, – тихо произношу я.

А дальше на протяжении практически четырех часов каждый из присутствующих выпадает из обычной жизни, мы всецело погружаемся в рабочий процесс.

Команда, ответ, проверка данных, то тишина и веселые шутки, снова команда и снова быстрое ее исполнение. Шум неустанно работающих приборов довершают картинку.

Операционная бригада действует как единый, хорошо слаженный механизм.

Глава 8. Таня

– Таня, – прямо над ухом раздаётся незнакомый голос и я вдруг чувствую, как кто-то трогает меня за плечо.

Прилагаю усилия, чтобы проснуться, но мой организм слишком вымотан и так быстро этого сделать не получается. Разум витает слишком далеко.

– Таня, проснись, – громче и настойчивее повторяет мужчина, чуть сильнее тормошит за плечо.

Мой разум витает гду-то далеко и я никак не могу отличить сон от яви, но на отголосках сознания начинаю понимать, это не сон.

С трудом заставляю себя проснуться.

В нос пробивается незнакомый запах и меня вдруг прошибает до самого мозга костей. Я моментально вспоминаю, что нахожусь в больнице и Любочке плохо, она сейчас на операции, где решается вся ее дальнейшая жизнь.

Резко распахиваю глаза, подскакиваю на кровати и ничего толком не соображая судорожно озираюсь по сторонам. Сердце грохочет в груди с бешеной скоростью.

В полутьме вижу уставший взгляд хирурга и понимаю, что он пришел за мной не просто так.

– Как Любочка? Все в порядке? Операция закончилась? – с волнением в голосе спрашиваю Михаила Александровича. Оказывается, это он меня будил.

– Основная операция прошла, сейчас мой ассистент шьет шов у Любы, как он закончит, мы переведем её в реанимацию, где она будет приходить в себя, – озвучивает новости и у меня от каждого слова на сердце становится только тревожнее.

Понимаю, что это обычная процедура и после операции каждого держат какое-то время под пристальным контролем врачей. В реанимации работают грамотные специалисты, пациенты лежат на специальных кроватях и рядом с каждым из них находятся достаточно мощные приборы.

А еще медперсонал, который готов ко всему.

Но вот только сердцу ведь не прикажешь. От переизбытка эмоций меня колотит крупная дрожь.

– С моей девочкой все в порядке? – спрашиваю толком не осознавая ответа хирурга. Он говорит слишком размыто, а мой мозг после сна еще не отошел.

– Все в порядке, не беспокойтесь, – заверяет.

– У Любы снова будет стома? – уточняю пытаясь морально подготовиться к очередному сложному этапу в нашей жизни.

Да, со стомой можно жить и при определенных усилиях даже получается практически себя не ограничивать, но в любом случае это определенные трудности, с которыми нужно будет учиться жить. Снова.

– Нет, не будет, – разует меня невероятной новостью. – Нам удалось обойтись без стомирования. Твоя Люба большущий молодец!

– Спасибо, – на глазах от облегчения наворачиваются слезы. Это такая прекрасная новость!

Стомы не будет… Моя малышка будет и дальше жить, как обычный ребёнок, без каких-либо ограничений.

– Успокойся, всё обошлось, – произносит смотря на меня своим проницательным взглядом. – С Любой всё будет в порядке, мы позаботимся о ней.

– Угу, – киваю не в силах сказать ни единого слова. Горло сдавил дикий спазм и я даже поблагодарить не могу нормально, эмоции взяли верх.

В очередной раз понимаю как ценна и хрупка наша жизнь, что ее нужно беречь как зеницу ока и ни при каких условиях не сдаваться. Бороться до последнего. Идти до конца.

– У тебя вещи для госпитализации с собой? – вдруг спрашивает Майоров и я с ужасом понимаю, что ничего не привезла.

– Нет, – открыто признаюсь ему, от нахлынувшего беспокойства начинают путаться мысли, ведь сейчас ночь, Степа уехал, а у меня банально нет денег на такси. – Все дома, – произношу понимая как сильно попала. – Любочке плохо стало в детском саду и я с ней оттуда сразу же поехала в больницу. У меня с собой ничего нет.

– Привести, как понимаю, некому? – уточняет спокойным и сочувствующим голосом. С удивлением понимаю, что он помнит нашу ситуацию и от этого начинаю уважать его ещё сильнее.

Любочка не простой ребёнок. Она была такой изначально. Ее роды тоже одно из множества чудес, которые пришлось принять.

Моя сестра считалась уже погибшей в то время, когда появилась малышка…

– Я могу попросить друга, – неуверенно озвучиваю единственную мысль, пришедшую в голову.

Уехать и оставить Любочку в реанимации выше моих сил. Особенно учитывая, что я не имею понятия как ехать обратно.

Конечно, можно обратиться за помощью к Степе и озадачить его, я знаю точно, что он не откажет. Но мне дико неудобно напрягать его еще сильнее.

Степа и так провозился с нами половину ночи, а утром ему на службу. Там тоже не отдохнешь, работа напряженная очень.

– Люба двое суток как минимум будет в реанимации, – поясняет Майоров. – Ты можешь спокойно съездить домой за вещами и вернуться обратно, – озвучивает самое рациональное на первый взгляд решение.

Да, оно правильное, но эмоции твердят о другом. Стоит только представить, что мне придется оставить свою малышку одну под присмотром посторонних людей, а я буду привязана к работе общественного транспорта, то становится не по себе.

У нас вечно то автобус сломается, то электрички отменят.

Никакой гарантии, что ты доберешься до центра, нет.

– Тебя к Люде в любом случае не пустят, в палате лежать нет никакого смысла, – продолжает убеждать меня врач. – Когда ее переведут в отделение, мы обязательно позвоним.

– Мне тяжело добраться до дома, – признаюсь в конечном итоге.

– Я отвезу, – раздается суровое от двери.

Резко поворачиваю голову в сторону и вижу Сергея. Лишаюсь дара речи.

– Девочка в реанимации, начинает приходить в себя, – говорит сухо и сжато. На меня больше не смотрит. – До утра буду с ней, там должен заступить Хмельницкий. Ты не в курсе, как там у них?

– Все обошлось, – отвечает Майоров. Я не понимаю о чем речь, но стараюсь лишний раз не вмешиваться в чужие разговоры. – Из наших никто не пострадал.

– А Лиса? Саня был крайне взволнован, – продолжает задавать вопросы.

Лиса?.. Может быть это его жена?

Вдруг чувствую укол ревности, но тут же отгоняю от себя эту дурную эмоцию. Карпов для меня совсем чужой человек.

Того Сережи, с кем мы были вместе, больше нет. Он остался лишь в моей памяти.

Теперь в моей жизни есть только Сергей.

– Лиса не виновата, их отпустили, – продолжает Майоров.

– Ну вот и славно, – заметно расслабляется Карпов. –

Тань, утром после смены я сдаю дочь в надежные руки и отвезу тебя за вещами, – говорит таким тоном, словно я не могу отказаться.

Но ведь я и правда не могу… У меня выхода нет.

– Ехать далеко, – предупреждаю.

– Я знаю, – произносит украдкой. – Ты переехала.

Глава 9. Сергей

Пишу Свете, что буду позже. Вдаваться в причины своей задержки нужным не считаю, у меня с женой весьма своеобразные отношения и лишний раз ей лучше не знать где я пропадаю, нервы будут спокойнее. У каждого из нас.

Светка, как всегда, посылает меня далеко и надолго. А если по факту, то она меня снова заблокировала и теперь при всем своем желании я до нее не дозвонюсь.

Только б снова не забрала дочь и уехала куда-нибудь на “отдых”, забрав отложенные на покупку нового авто деньги.

Она уже так делала пару раз.

Сколько ни думаю по поводу жены, мысль не радуют совершенно. Все-таки до рождения дочки она была абсолютно другой.

В очередной раз прихожу к выводу, что нам все-таки лучше развестись и не трепать друг другу нервы, не портить жизнь. Да, дочке будет тяжело принять наш разрыв, но она ещё маленькая и быстро привыкнет, что мама и папа живут не вместе.

В конце концов я без того достаточно часто не прихожу домой.

Можно оставаться хорошим родителем, но с ребёнком не жить. Я вот не собираюсь лишаться дочери только из-за того, что у нас с её матерью не сложилось.

Печально, конечно. Но это жизнь.

– Это она? – подходя ко мне спрашивает Хмельницкий и смотрит на маленькую девочку, которая мирно спит под седативными.

– Да, – киваю. А у самого сердце сжимается от одного предположения, что это моя дочь.

По срокам подходит.

Я сделал обход, проверил каждого из своих пациентов, заполнил карты и теперь вот сижу рядом с маленькой Любочкой и безотрывно смотрю на неё. Любуюсь.

Мне кажется будто она похожа на меня в детстве. Я даже некоторые общие черты у нас с ней нашел!

– Операция прошла без осложнений, – делюсь с Саней подробностями вмешательства и проведенной терапии, он внимательно слушает, кивает. Запоминает.

– Я тебя понял, – говорит совершенно серьезным голосом. Когда нужно, Саня становится самым собранным и ответственным из всех нас.

– Майоров легендарный врач, – добавляю находясь под впечатлением от проделанной сложнейшей работы. Суметь сохранить кишечник в нетронутом виде это надо было суметь! Мишка проделал ювелирную работу.

– Малышке повезло, что её оперировал именно он, – соглашается со мной Санёк. – Попадись ей кто другой, не из отделения Игнатова, то одной операцией она бы не отделалась. Потребовалась бы повторная, как минимум.

Например, как сыну самого Сани, там малышу пришлось выводить стому, ждать заживления кишечника и только после этого снова его соединять.

Хоть тогда оперировали тоже наши парни, без стомирования обойтись было нельзя. У Степки был совершенно другой случай, он проглотил монетку и та встала поперёк кишки.

Хорошо, что Саня быстро понял причину плохого самочувствия мальчика и только благодаря его проницательности ребенка достаточно быстро спасли.

Сейчас Степан позабыл о своей "дырочке" в животе и живёт своей обычной мальчиковой жизнью. Саня рассказывал, что обоих сыновей решили отдать в спорт.

Собственно, как и остальных детей наших хирургов.

– Это уж точно, – киваю подтверждая. Любочке несказанно повезло, что она попала к нам в дежурство Майорова.

Не знаю как парням удалось, но отделение Кирилла считается самым сильным. В нём собрались хирурги как на подбор: Майоров, Высоцкий, Игнатов, Ланской… Эта четвёрка бьёт все рекорды.

– Проследи за Любочкой, – прошу Саню. Тот ухмыляется глядя на меня.

– Глаз с неё не спущу, ты ведь знаешь, – обещает.

Да, Хмельницкий такой же крутой реаниматолог, как Майоров хирург. Я отличный спец, но чётко осознаю, что Саня круче.

У него просто невероятно развито внутреннее чутье. Он

по косвенным признакам распознаёт начало осложнений и успевает подготовиться к их появлению заранее, а то и пресечь вовсе. До того, как войдут в полную силу.

Подобное дано не в чем, увы.

Я так не умею, но мне это не мешает оставаться отличным врачом. Лучше меня никто с того света людей не вытаскивает.

Каждый хорош в чём-то своем и это круто, когда в одной команде оказываются спецы в разных направлениях.

Шансов на успех становится в разы больше.

– Тебя в ординаторской ждут, – Саня кивком головы показывает на кабинет.

– Знаю, – киваю собираясь с мыслями перед встречей.

Мне до сих пор не понятно почему Таня одна. Где ее родители и сестра, ведь они так сильно пеклись о здоровье дочери!

Так сильно, что были категорически против наших отношений, но высказывали это не Тане, а мне.

Для нее они всегда были идеальными родственниками.

– Если будут изменения, сразу звони, – прошу его.

– Все под контролем, – заверяет с непробиваемой уверенностью. – Иди уже, а то все пробки соберешь.

– Я их и так соберу, – ухмыляюсь.

Но все же поднимаюсь на ноги и направляюсь в свой кабинет, где меня уже который час ждет Таня.

– Привет, – нерешительно здоровается как только я пере-

ступаю порог. После моего обещания отвести ее домой за вещами мы больше не виделись.

– Привет, – отвечаю сухо. – Ты готова?

– Да, – кивает и бросает взгляд в сторону отделения. – Мне нельзя посмотреть на нее? – робко интересуется.

– Нет, – отрезаю жестко. Незачем без особой необходимости показывать убитой горем матери увешанного трубками ребенка.– Нельзя.

Таня печально вздыхает.

– Поехали, – жестом показываю за дверь. – Время не терпит.

Глава 10. Таня

– Садись, – Сергей открывает передо мной переднюю пассажирскую дверь и показывает рукой вовнутрь автомобильного салона. Бросаю на него беглый взгляд и забираюсь назад.

Ехать нам достаточно долго, а моей нервной системе и без того потрясений хватает. Не хочу сидеть близко к Карпову.

Он хлопает дверью, обходит машину и садится за руль. Каждое движение мужчины сейчас слишком резкое.

Сергей сильно устал, он полночи был на операции моей дочери, а после вызвался отвезти меня домой. Ненормальный!

– Куда ехать? – спрашивает беря в руки телефон для построения маршрута.

Называю домашний адрес, ловлю на себе удивлённый взгляд.

Да, я знаю… Никто и подумать не мог, что перееду.

– Если далеко и ты не можешь меня отвезти, то ничего страшного. Я всё понимаю, – делаю последнюю попытку смыться.

Сейчас, когда оказалась с Карповым в ограниченном пространстве понимаю, что не рассчитала свои силы. Находиться с ним рядом для меня слишком тяжело, я не выдержу.

Только вот другого варианта максимально быстро вер-

нуться к Любочка нет. Придётся терпеть.

– Я сказал, что отвезу, – произносит сурово. – Значит, едем.

– Хорошо, – отвечаю негромко, от напора в голосе Сергея на миг теряюсь, но достаточно быстро прихожу в себя обратно.

Времени на переживания нет, нужно действовать, а поплакать и пожалеть себя успею потом.

Трогаемся с места, машина начинает движение и я мысленно вновь возвращаюсь в наше прошлое. Туда, где мы с Серёжей катались по ночному городу, встречали рассветы, ездили на смотровую площадку, любовались ночным городом и кушали всякие вкусности в салоне авто.

Мы вечно спорили где что находится! Я так и не смогла правильно показать, где находится мой дом. Ночной город выглядит совсем иным и сориентироваться в нём достаточно трудно.

Мне по крайней мере, Серёжа с легкостью находил всё, что только придёт в голову.

От воспоминаний компании подкатывается к горлу, я тогда была счастливой и даже во страшном сне не могла представить через какие испытания придётся пройти.

– Пристегнулась? – спрашивает Карпов выдергивая меня из омута памяти.

Отмираю.

Проверяю на месте ли ремень безопасности, трогаю его и

лишь после этого отвечаю.

– Да, – вокруг достаточно шумно и мне приходится говорить достаточно громко, чтоб Сергей услышал.

– Супер, – чуть заметно кивает и вновь возвращает на дорогу свой внимательный взгляд.

Удивительно, но в городе практически нет заторов и мне удаётся рассмотреть прекрасную архитектуру. Всё же любоваться шедеврами и иметь возможность посмотреть на них в динамике гораздо приятнее, чем изучать стоя на одном месте и нескончаемом "тырканьем" взад-вперёд.

Минуем центр города, движемся в сторону выезда и я отчётливо вижу, что значит серьезный затор. На параллельной дороге, что ведёт из области в город, слишком много машин. Они стоят в три ряда, хоть тех всего два, кто-то сигналит, кто-то жаждет объехать, а по факту они всё только ухудшают ситуацию и отвлекут остальных.

Пересаживаюсь к другому окну и начинаю изучать дворы и улицы, здесь вид из окна гораздо приятнее и интереснее. На Сергея не смотрю.

Выезжаем за город, набираем скорость и движемся дальше. Чем ближе становимся к моему новому дому, тем мне сильнее становится не по себе.

Даже подумать не могла, что покажу своё новое жильё Карпову.

– Долго будешь молчать? – не выдержав спрашивает Сергей.

Мы уже проехали половину пути и меня начинает клонить в сон.

– Могу всю дорогу, – отвечаю не поворачиваясь в его сторону.

Мне с ним не о чем больше говорить, а вместо обсуждения ерунды уж лучше посплю. Хоть польза для организма будет.

– Прикольно, – недовольно бурчит себе под нос. Но продолжает вести авто и внимательно следить за дорогой.

Устраиваюсь удобнее на заднем сидении, закрываю глаза, заставляю себя подремать. Только вот сон не идет и в этом нет ничего удивительного.

Несмотря на обиду, что спустя много лет не исчезла с души, я вновь ощущаю трепетное волнение находясь рядом с Карповым. Глупое сердце не желает знать зла, обо жаждет беззаветной любви и нежности.

Правда выбрало совершенно не тот объект для своих желаний.

Заезжаем в город, я чуть приоткрываю глаза и понимаю, что навигатор повёл Карпова нехорошей дорогой.

– Здесь направо сверни, – говорю подаваясь вперёд.

– Зачем? – интересуется с деланным равнодушием.

– Надо, – отвечаю не вдаваясь в подробности.

– Отличный ответ, – скептически ухмыляется и мы проезжаем мимо.

– Как хочешь, машина твоя, – еле слышно шепчу пожимая плечами и в этот самый момент нас резко встряхивает.

Колесо попало в глубокую яму.

– Твою мать! – злясь произносит Сергей. – Ты не могла раньше сказать, что здесь ужасная дорога? – спрашивает останавливаясь.

– Я просила тебя повернуть, – упрямо стою на своём. – Там нормальная дорога.

– А сказать? – закипает.

– Я говорила! – скрещиваю руки на груди и отворачиваюсь к окну.

Карпов нажимает на “аварийки” и медленно отъезжает к обочине. Выходит из авто.

– Ты куда? – высовываюсь из салона.

– Поздравляю! – говорит едко и разводит руки в разные стороны. – У нас колесо пробито!

– Ой, – пищу.

– Вот тебе и ой, – продолжает психовать.

Смотрю на Сергея и как никогда чётко виду как сильно тот очень устал. Он едва держится на ногах, ему бы нормально отдохнуть и поспать, но вместо этого Карпов вызвался мне помочь.

Чувствую себя неблагодарной сволочью.

– А запаска? Давай поставим её, – предлагаю миролюбиво. – Я знаю хороший шиномонтаж, сдадим колесо, нам его быстро починят.

– Запаски нет, – отрезает по-прежнему злясь.

– Как это нет? – недоумеваю.

– А вот так! – рычит. – У меня нет запасного колеса, – заявляет и смотрит на меня в упор. – Что теперь предлагаешь делать? – спрашивает с вызовом. – Ты же самостоятельная вся, так давай, предлагай. Я внимательно слушаю.

Глава 11. Таня

Мечусь по квартире как раненый зверь хватая без оглядки всё, что попадается под руку. Штаны, флисовая кофта, термос, увлажнитель воздуха… Для чего он мне может понадобиться в больнице понятия не имею, но сейчас зачем-то беру.

Тревога не отпускает.

После нашей стычки Сергей отправил меня домой, а сам снял лопнувшее колесо и пошёл с ним к ближайшему шиномонтажу. Я предложила позвонить Степану и попросить приехать, ведь у него наверняка есть запасное колесо, но вместо согласия получила весьма красноречивый взгляд.

Поэтому пусть разгребает все сам. Я больше не лезу, мне и без того проблем хватает, чтобы на пустом месте от него огребать.

– Лиза, привет, – набираю своей напарнице. – Люба в больнице и я недели две буду на больничном, – сообщаю печальную новость.

– Тань, ты понимаешь, что тебя две недели никто не будет ждать? – в лоб задает нелицеприятный вопрос. – Ты только устроилась на работу, у тебя еще не закончен испытательный срок, а уже второй больничный за такое короткое время. Нам в салон нужен человек, который будет работать, а не прохлаждаться на больнике.

– Но… – пытаюсь возразить. Ноги слабеют.

– А никаких но, Тать, – ухмыляется горько. – Ты либо выходишь и пашешь по-полной, либо можешь больше не появляться. Поверь, у каждого из нас свои проблемы, но мы их как-то решаем в свободное от работы время и не подставляем своих напарников. Ты меня уже который раз лишаешь выходных!

– Я не виновата, что у меня заболел ребенок! – вспыхиваю.

– Клиентам по барабану кто у кого заболел, – цедит зло. – У них тоже свои проблемы и планы, к нам запись на месяц, а из-за тебя теперь мы огребаем по-полной. Мы! Не ты.

– Люба в больнице, ей только что сделали операцию, – пытаюсь объяснить, что я не просто так прохлаждаюсь и у меня действительно безвыходная ситуация. – Ты ведь знаешь.

– Тань, послушай мой дружеский совет, – Лизка продолжает уже чуть мягче. – С таким часто болеющим ребенком, как у Люба, ты можешь рассчитывать лишь на работу по удаленке. Никакая другая тебе не светит, пойми.

На удаленку тоже просто так не берут… Я пыталась, искала, соглашалась даже на низкооплачиваемую, ведь это в любом случае деньги, но и там не сложилось. Увы.

– Значит, на работу могу больше не рассчитывать? – уточняю убитым голосом.

– Да, – подтверждает мои опасения. – Ты безработная, можешь новую искать.

– В смысле безработная? – ахаю. – Я отработать должна еще три дня после уведомления об увольнении!

У меня ведь открыт больничный. Пусть это копейки по выплатам, но тем не менее пусть лучше так, чем ничего.

– Тань, тебя уволили задним числом, – Лизка добивает меня новостью.

– К-как? – ахаю. Сажусь.

– Мегера Михайловна сказала сделать приказ вчерашним числом, – в голосе напарницы нет ни капли сожаления.

– Какой кошмар, – шепчу.

От безысходности опускаются руки, а ведь я должна оставаться сильной до последнего, ведь от меня зависит жизнь маленькой девочки. Она не справится одна.

– Знаешь, вот смотрю на тебя и в который раз убеждаюсь, что нефиг рожать не пойми от кого, – заявляет уничижительным тоном. – Лучше б ты аборт сделала, честное слово. Сейчас жила бы себе спокойно и в ус не дула.

– Да пошла ты, – кидаю на эмоциях и скидываю вызов. Дура!

Нет ничего ценнее, чем дети. Нет ничего дороже семьи.

Рассуждать и говорить всякие гадости можно легко и просто, если ты детей не хочешь, а с семьей у тебя не сложилось. Иного не дано, увы.

У меня были прекрасные, любящие родители, замечательная сестра и я как никогда остро поняла это лишь после того, как их лишилась. Теперь должна одна бороться за себя

и Любочку.

Знаю, они смотрят на нас сверху и переживают, хотят помочь и именно поэтому посылают на жизненном пути надежных людей. Именно из-за этого знания я до сих пор держусь и не падаю духом.

Я чувствую их поддержку. Знаю, что не одна.

Понятия не имею сколько просидела на стуле, но все же собираю себя по кусочкам и заставляю подняться. На нетвердых ногах направляюсь на кухню, наливаю в стакан воды и подхожу к окну.

Меня всю трясет, вода в стакане плещется и несколько капель попадает на футболку, но я этого толком не замечаю, настолько мне плохо.

Рядом с подъездом останавливается машина, из нее выходит Сергей, поднимает голову вверх и мне вдруг кажется, что мы встречаемся взглядом. Меня пробирает до самого мозга костей, мурашки толпами несутся по коже.

Вдруг звонит домофон. От его громкого звука подскакиваю на месте.

Спешу в коридор, открываю дверь. В голове мечутся разные мысли.

– Ты готова? Вещи собрала? – первое, о чем спрашивает Сергей переступая порог.

– Не совсем, – признаюсь с виноватым видом.

– Ты серьезно сейчас? – внимательно смотрит на меня, но к своему удивлению я не чувствую от него исходящей в свой

адрес злости.

– Прости, пожалуйста, – устало произношу. – Давай я тебе налью чай, ты перекусишь, а я быстро все сложу, – предлагаю.

Все-таки Карпов не обязан возиться со мной и я должна ценить его помощь.

У него есть своя семья Жена, дочь… Они наверняка ждут, когда их любимый мужчина вернется со смены, а вместо этого он тратит свое драгоценное время на помощь бывшей.

Перед глазами живо предстает картинка красивой женщины и маленькой девочки, которые гуляют на детской площадке и то и дело смотрят на дорогу. Ждут.

Сердце неприятно колет.

– Что случилось? – Карпов не сводит с меня свой пристальный взгляд. – Почему ты не собралась? Не просто ведь так, – отрезает сурово. – Я тебя знаю.

Увы, ты знаешь меня слишком хорошо, чтобы лгать. Поэтому мне не остается ничего другого кроме как сказать урезанную версию правды.

– Мне нужно было позвонить на работу и сказать, что меня не будет некоторое время, – озвучиваю лишь малую часть своего разговора с Лизой.

Про потерю работы и что я осталась теперь без средств к существованию решаю промолчать. Карпов хоть и сволочь последняя, но он добрый и предложит свою помощь, а я не могу ее принять.

Ведь если Сергей одолжит деньги мне, то по сути, он забирает их у своей дочери, а этого я не могу допустить. Так будет не правильно.

Мы с Любочкой справимся, не впервой. В конце концов, у меня еще есть некоторые сбережения и в начале месяца придут выплаты. Голодать не будем, а с остальным разберусь.

Лишь бы моя малышка была здоровой!

– Иди, собирайся, – кивает мне в сторону комнаты. – Только покажи мне, где можно немного поспать, – просит. – Я валюсь с ног от усталости.

– Ладно…

———

Хорошие мои! Завтра, 24 июня, "Наследник. Боль предателя" будет завершена! Успейте купить книгу по цене подписки;)

Глава 12. Сергей

Резко открываю глаза и сажусь на диване, сердце в груди отбивает ускоренный ритм. Так бывает, когда тебя выдергивает из спокойного состояния непредвиденный громкий звук.

Прислушиваюсь. Тихо.

Такое впечатление будто я в квартире один. Удивительно, конечно, что мне удалось так крепко уснуть и судя по состоянию проспать достаточно долго. Я больше не валюсь с ног от усталости и у меня даже перестала раскалываться голова.

Тем не менее бросаю взгляд на часы и обалдеваю. Поздний вечер! А мы всё ещё не сели в машину и не выдвинулись назад.

Ехать достаточно долго.

– Таня, – зовут хозяйку квартиры, но она не откликается. Вокруг тишина. – Тань, – повторяю. Ответа нет.

Поднимаюсь на ноги, с дурманом в голове обхожу комнаты в поисках хозяйки, но её нигде нет.

Странно.

Вряд ли Таня решила отправиться погулять, ведь у неё дочь в больнице и она никогда не успокоится зная, что близкий человек в беде. Я прекрасно знаю её характер, за годы разлуки он не изменился.

Люди так не меняются даже со временем, сопереживание

у нас в крови. Оно либо есть, либо его нет.

В Тане добра достаточно, она самая чуткая и ранимая девушка из всех, кого я только знаю. Она переживает за своих родных и близких гораздо сильнее, чем за саму себя.

Может быть она отправилась в магазин? Наверняка понадобилось что-то для Лодочки и поэтому она ушла без предупреждения. Это будет единственным логичным объяснением её отсутствия дома.

Не гулять же пошла.

Возвращаюсь в комнату где спал, нахожу выпавший из кармана телефон. Нахожу в контактах номер Тани, даже хочу его набрать, но в самый последний момент решаю этого не делать.

Вернётся и мы всё обсудим, нет смысла звонить и выяснять её местонахождение. Я для неё по сути никто, так этого всё хотели.

Таня тоже выбрала не меня…

Вместо того, чтобы возвращаться к воспоминаниям и бередить старые раны, решаю заняться делом.

Набираю Санька.

На сердце тревожно, я должен убедиться, что с моей дочерью всё в порядке. Если он не в операционной, то ответит.

Или как освободится перезвонит.

– Серега, здоров! – в динамике раздаётся бодрый голос Хмельницкого. – А я только о тебе с Лёхой разговаривал. Не икалось случайно? – ухмыляется.

Саня как всегда полон сил, а исходящую от него энергию чувствую даже на расстоянии. Он заряжает ею всех вокруг.

– Не икалось, – отвечаю с лёгкой улыбкой. Саня, как никто другой, умеет поднять настроение. – Как там Люба? Все в порядке?

– Стабилизировали. Всё путём, – голос Санька вмиг становится серьезным, а смысл слов тут же разбивает иллюзию благополучия.

Что-то случилось. У малышки не всё хорошо.

– В смысле стабилизировали? – меня обдает ледяным потом, в мыслях тут же принимаюсь перебирать в всю свою смену и искать причины ухудшения.

Она была в порядке, когда я уходил. Ничего не предвещало беды.

Значит, пока я спал, мои коллеги боролись за жизнь моего ребёнка? Охренеть, блин!

– Что было? Как она сейчас? – спрашиваю не скрывая своего беспокойства. Да и какой смысл его прятать? Люба моя! Пусть знают об этом и ни на мгновение не сводят с неё глаз.

Несмотря на тревожные новости внешне я стараюсь оставаться спокойным, ведь по большому счету не о чем переживать. Надежнее Сани нет человека, а он на дежурстве и с моей девочкой всё будет хорошо.

Я не переживаю по поводу профессионализма своих коллег. Хмельницкий спец наивысшего класса, а Майоров, Высоцкий, Ланской и Игнатов шикарнейшие хирурги.

Люба в надёжных руках.

– Как давно начало ухудшаться состояние? Выяснили причину из-за чего? – продолжаю задавать вопросы.

Мне важно знать ответ на каждый из них, ведь малышке стало хуже не на пустом месте. Когда мы уезжали все было в порядке и ничего не предвещало беды, а раз произошло ухудшение, то должны быть весомые причины для этого.

– У неё слишком сильно упали тромбоциты и был риск возникновения внутреннего кровоизлияния, – поясняет Санёк. – Пришлось корректировать ввод препаратов. Антикоагулянты взял под особый контроль.

– Плазму переливали? – уточняю. Это важно сейчас.

– Да, – хмурится друг. Он не хуже меня понимает все риски.

– Понятно, – устало потирая переносицу подхожу к окну. На улице стемнело и в этом нет ничего удивительного, я слишком долго проспал. – Как она сейчас? Показатели больше не падают?

– И не поднимаются, – сообщает тревожную новость Санёк.

Мда… Ситуация не из лучших.

– Завтра в палату не переведешь, – скорее констатирую факт, чем задаю вопрос.

– Нет, конечно! – фыркает. – Ну может быть только к вечеру и то, под твой личный контроль, – всё же смягчается.

Он знает, я не подведу.

— Пусть остаётся в реанимации, – заявляю без тени сомнения. – Так вернее и безопаснее для всех.

– Ну смотри, моё дело предложить, – говорит Саня.

Наблюдая за погружённым в темноту городом обсуждаю с Хмельницким насущные вопросы, выясняю состояние остальных пациентов, интересуюсь новостями по больнице, а после завершаю вызов и набираю Таню.

Уж слишком долго что-то её нет, а нам пора ехать. Время не ждёт.

Глава 13. Таня

– Тань, – над ухом раздается голос того, кого я несколько лет пыталась забыть. Правда, безуспешно как выяснилось в конечном итоге.

Мне снится добрый и приятный сон, от которого так не хочется отрываться. Разум на миг пробуждается, а затем снова отключается.

Хорошо.

– Таня, – настойчиво повторяет Сергей.

Он слегка трясёт меня за плечо, повторяет моё имя. Приходится открыть глаза.

Поднимаю голову, пытаюсь привыкнуть к свету, что горит на кухне, и как только удаётся не щуриться, то вижу встревоженный мужской взгляд.

– Что-то случилось? – спрашиваю продолжая витать на грани между сном и явью. Сажусь удобнее, слегка трясу головой.

– Тебя потерял, – с лёгкой ухмылкой признается Карпов. – Думал, ты убежала.

– По этой части ты у нас спец, – кидаю не подумав и тут же прикусываю себя за язык.

Тебе помогают, а ты…

Молчи, Таня! Думай над каждым своим словом! Права была мама, когда болтушкой меня назвала…

Ловлю на себе весьма красноречивый взгляд внимательных глаз, но делаю вид будто этого не замечаю.

Смотрю на часы, вижу время и у меня случается лёгкий шок. Как же долго мы проспали… Кошмар просто!

Сердце принимается отбивать ускоренный ритм, ведь нам давным-давно пора было уехать. Поднимаюсь со стула, на котором в итоге заснула, на нетвердых ногах отхожу в сторону.

Тело затекло просто ужасно, болит.

– Почему ты меня раньше не разбудил? – спрашиваю не сдерживая эмоций.

Мне дико обидно, ведь мы упустили целый день. Там Любочка одна в реанимации… Маленькая моя малышка…

– Не поверишь, но я тоже спал, – с виноватым видом признается Карпов.

Застываю не зная, что сказать. Я не ожидала подобного признания, если честно.

– Может быть чай перед выходом хотя бы попьем? – предлагаю пытаясь загладить вспышку своего недовольства. Все-таки Сергей не обязан был помогать, это его личная инициатива.

Мы с самого утра ничего не ели, а впереди ещё несколько часов пути и полнейшая неизвестность. Понятия не имею, где мне теперь оставаться и как дальше жить, ведь в отделение в такое позднее время не пропустят.

Не известно когда в следующий раз у меня выйдет поесть, так что лучше подстраховаться.

– Может нормально поедим? – предлагает доставая телефон и снимает блокировку с экрана. – Здесь неподалёку есть нормальное место? – внимательно смотрит на карту изучая доступные варианты.

– Не знаю, – говорю честно и тут же получаю в свой адрес весьма удивлённый взгляд. – Что? – спрашиваю не понимая его реакции.

– Ты живёшь здесь и не знаешь где можно поесть? – хмурится и не скрывает своего скептического настроя. Видимо думает, что я лгу.

– Представь себе, – фыркаю закрываясь. Я снова чувствую себя улиткой, которая спряталась в свою раковину. Пусть здесь нет чужих эмоций, зато безопасно. – Когда одна воспитываешь ребёнка, как-то не до походов по ресторанам и кафе, – кидаю ему.

Сытый голодному не товарищ и я это очень чётко понимаю именно сейчас. Сергей даже не задумывается как тяжело порой бывает женщине с маленьким ребёнком.

– Всегда можно нанять няню, – произносит беззлобно. От его предложения я банально лишаюсь приличных слов.

Остаются одни неприличные. И они очень яркие и красочные.

Девушки такими не говорят.

Бросаю на Карпова очень красноречивый взгляд, он что-то хочет сказать, но видит мою реакцию и тут же закрывает рот. Видимо не хочет нарываться на очередной конфликт.

То-то же!

С напускным равнодушием обхожу Сергея и направляюсь к холодильнику. Пусть меня внутри всю трясёт, ему я не покажу насколько сильно задели его слова.

Умник нашёлся, блин! Найми няню…

Мне порой не на что свежие фрукты и ягоды для Любы купить, зимой они очень уж дороги, а для её кишечника просто необходимы. Клубника, питахайя, малина… мелко косточковые очень ей помогают и поэтому я трачу на них приличные деньги. Изворачиваюсь как могу.

С таким подходом к питанию, как у нас, я смело могу идти в диетологи! Маркировка еды, тщательно продуманные блюда и хитровыдуманные заправки к гарнирам, индивидуально проработанное питание, я сделала для Любы максимум из того, что могла.

Из того, что не могла – тоже.

Даже в детском саду ей далеко не всё должны давать, мы с воспитателями договорились об этом.

Но всё или меры безопасности оказались напрасными… Видимо, где-то организм всё же дал сбой.

Нужно обязательно выяснить где именно, чтобы больше так не попадаться. Руки просто так не опущу!

– Ты обычную еду будешь? Не ресторанную? – с претензией в голосе спрашиваю у Сергея. Меня очень задели его слова и перебороть эмоции не получается.

– Буду, конечно, – соглашаясь кивает. – Может тебе чем

помочь?

– Помог уже, – отмахиваюсь от предложения. – Сама справлюсь.

Открываю холодильник, достаю сковороду, снимаю крышку и принюхиваюсь. С едой всё в порядке, ура!

Значит, можно будет вкусно покушать. Включаю плиту, ставлю сковороду на огонь, а сама тем временем достаю все свои запасы из холодильника.

Нас с Любой не будет порядка двух недель, а это значит, что почти вся еда испортится. Жалко.

– Ты решила закатить пир горой? – ухмыляется Карпов с интересом наблюдая за моими действиями.

– Уж лучше мы сейчас это съедим, чем по возвращении из больницы я всё выкину, – отвечаю продолжая сортировать продукты.

Часть из них можно заморозить, а я намерена по-максимуму из имеющегося сохранить. Жалко ж, если пропадёт.

Еду нельзя выкидывать.

– Логично, – соглашается Карпов.

Он молча проходит вглубь кухни, достаёт приборы и тарелки, раскладывает их на столе. Затем берёт лопатку и принимается помешивать жареную картошку с тушенкой на сковородке.

– Выглядит довольно аппетитно, – говорит достаточно уверенно переворачивая порцию за порцией. Я удивляюсь его ловкости, ведь когда мы были вместе Карпов готовить

особо не умел.

– На вкус будет не хуже, – заверяю не показывая, что мне приятна его помощь. Все-таки Сергей не совсем чужой для меня человек.

– Разогрелось, – заявляет снимая с плиты сковороду. – Давай тарелки, разложу нам с тобой.

Мы как в старые добрые времена сидим и едим, разговариваем на отвлеченные темы. Нам удивительным образом комфортно друг с другом. Но когда звонит телефон и я вижу высветившуюся фотографию и имя звонящего абонента, то моё хорошее настроение улетучивается словно его и не было.

– Тебе жена звонит, – беру с подоконника трубку и протягиваю ему. – Можешь не переживать, я не стану влезать в ваш разговор.

С этими словами поднимаюсь из-за стола и выхожу прочь с кухни. Аппетита нет, а мне ещё нужно вещи собрать.

Выезжать пора. Мы слишком сильно задержались.

Глава 14. Сергей

– Карпов! Совсем совесть потерял? Уже почти сутки прошли, как ты сменился с дежурства, а домой до сих пор не явился, – супруга высказывает своё недовольство.

В принципе я её прекрасно понимаю, если бы не ряд “но”. Причем, довольно существенных.

– Тебя дочь ждет, спрашивает про отца, – подключает манипуляцию ребенком. – Что ей ответить? Что ее отцу она нафиг не нужна?

Началось…

– Свет, я тебе сказал, что мне нужно было срочно уехать, – говорю сдерживая своё раздражение. В последнее время помимо него никаких других эмоций к своей жене я не испытываю, она напрочь убила все прочие чувства.

Некогда доброе и светлое отношение исчезло после всех её выходок. Удивительно как я до сих пор ее не послал.

Терплю только ради ребенка.

– У меня вообще-то были планы на вечер, а ты их испортил! – цедит со злостью. Каждое слово пропитано ядом, был бы рядом, так отравила б меня.

– И какие же планы? – спрашиваю старательно маскируя рвущийся наружу негатив. В последнее время сдержать его становится все труднее. – Неужели решила провести вечер с мужем и дочерью? – ухмыляюсь недобро.

Мне прекрасно понятно почему она так сильно психует, ведь я не дал им прошвырнуться по магазинам, зайти в ресторан и насладиться фирменным ужином от шефа, а после обломал поездку в бар.

Если бы Света устраивала для себя подобные "выходы" не каждую неделю, а реже, то я может быть и согласился, но это уже перебор. У меня не такая большая зарплата для подобной роскоши, я б лучше ее на полезное дело пустил.

Например, поехал отдохнуть с дочкой на море. Или б подкопил и купил небольшой загородный дом, чтобы можно было выезжать из города на свежий воздух.

Ребенку необходимо быть на природе, гулять как можно чаще, развиваться. А не шляться по торговым центрам и дышать воздухом после кондиционера.

– С дочерью я провожу достаточно времени! – моментально встаёт в позу как только я поднимаю больную для неё тему, ведь Света так старательно избегает оставаться с Агатой вместе, что этой способности можно лишь удивиться. Моя дочь проводит все свое время в будни либо в саду, либо с бабушками.

Если же мне нужно выйти на работу в выходные, что бывает достаточно часто, то ребенок днем остается со своей матерью, которая так и норовит куда-то ее спихнуть. Мол, устает.

От чего и почему не понятно.

– Мать в отличие от отца она видит, – бросает привычную

колкость. Думает, я не нее поведусь.

– Мать, в отличие от отца, не работает, – парирую оставаясь невозмутимым. Мое спокойствие ее дико бесит. – Говорит, ей нет нужды.

– А что если и так! – заводится с пол-оборота. – Я не создана для работы и ты это прекрасно знаешь, – кидает свою излюбленную фразу. – Перед тем, как мы решили пожениться я тебя предупреждала об этом. Женился, так будь добр,содержи свою семью!

И нафига я тогда согласился на уговоры матери?... Потому что Света беременная была, ребенок должен расти в полноценной семье и коль наворотили дел, так и расхлебывайте.

Моя чрезмерная ответственность сыграла со мной злую шутку.

– Я по-твоему не содержу? – не скрываю своего удивления. Ее обвинения уже переходят все грани приличия.

Ещё немного и моему терпению настанет конец.

Если так подумать, то статус семьи у нас остался лишь на бумаге и я терплю её выходки только ради дочки. Увы.

– Свет, я тебя предупредил, что буду поздно? Предупредил, – произношу совершенно спокойно. Меня больше не трогают её истерики от слова совсем. Прошла то время, когда они меня цепляли. – Какие ко мне еще могут быть претензии? – уточняю негромко. Чтобы выказать свою злость далеко не обязательно орать.

– Никаких! – фыркает принимаясь психовать с новой си-

лой.

Света понимает, что не получилось вывести меня на открытый конфликт и это цепляет ее. Она не привыкла спокойно отстаивать свое мнение.

– Тогда успокойся и не трепи нервы ни мне, ни себе, – говорю. – Мне пора. Ложись спать, буду поздно.

– Можешь не приезжать! – истерит. – Ночуй там, где находишься!

Не желая выслушивать и дальше бредни жены, завершаю вызов.

– Таня, – поднимаясь из-за стола зову хозяйку квартиры, она снова не отзывается. Снова иду искать.

Нахожу ее в комнате. Плачущей.

– Танюш, что случилось? – удивленно смотрю на нее. В груди ни с того ни с сего в тугой комок сжимается сердце.

Таня поднимает на меня заполненные слезами глаза, вытирает их тыльной стороной ладони.

– Все в порядке, – заверяет шмыгая носом.

Поднимается, складывает в чемодан оставшиеся вещи и с болью в глазах смотрит на меня.

– Пожалуйста, помоги застегнуть, – показывает на незастегнутую молнию. – У меня застежка заедает.

– Давай помогу, – соглашаюсь.

Пребывая в смешанных чувствах от слез Тани, подхожу к ее ноше и начинаю медленно вести “собачку” по молнии, но та расходится. Зажимаю ее пальцами чуть сильнее.

Раза с десятого, но у меня получается.

– Готово, – поднимаю чемодан, ставлю на ножки и обалдеваю от его тяжести. – Ты туда кирпичи положила?

– Почти, – смущаясь хихикает.

Смотрю на нее и сердце пропускает удар.

Какая же Таня красивая…

– У тебя только чемодан или еще что-то есть? – спрашиваю переключаясь от своих мыслей. Ни к чему хорошему они не приведут. Проходили.

– Сумка, наверное, – произносит кусая губы, а я смотрю на эти губы и вспоминаю как их целовал.

На вкус слаще меда были. До сих пор вкус чувствую.

– Что? – хмурится замечая мое пристальное внимание.

– Ничего, – отмахиваюсь от вопроса.

Дурак ты, Карпов! Такую девушку потерял!

Променял на змеюку…

– Поставишь чай? Я пока чемодан отнесу в машину, – предлагаю. Мы не доели, Таня ведь ушла сразу после звонка моей жены, а ехать нам долго и не известно как пойдет дорога.

До города придется ехать через лес, а там много лосей.

Всякое бывало.

Глава 15. Таня

Сергей заворачивает машину к жилому комплексу состоящему из нескольких одинаковых высоченных многоэтажек. Я такие, пожалуй, видела разве, что только в кино и мне становится любопытно, хочется разглядеть их вблизи.

Высовываюсь в окно и принимаюсь рассматривать ряд причудливых зданий. Они кардинально отличаются от тех, которые я привыкла видеть каждый день. Без балконов, с кучей подсветки, без привычных бордюров и скамеечек вокруг, вместо них магазины и кафешки, а детской площадки, так и вовсе не видно.

Интересно, в таких местах люди живут без детей?

– Зачем мы сюда приехали? – спрашиваю Сергея после того, как он заворачивает во двор и снижает скорость. Больница, где лежит Любочка, находится в совсем другом районе.

– Пока Люба в реанимации, тебе в отделении делать нечего, – говорит таким тоном, словно в этом нет ничего особенного. Обыденность.

А у меня мурашки пробегают по коже от его слов, ведь оставаться вдали от своего ребенка, когда ему плохо, невыносимо. У меня сердце разрывается при мысли о моей девочке.

Я должна быть рядом с ней в этот момент.

– Пока она не придет в себя и ее состояние не стабилизи-

руется, поживешь у меня, – продолжает невозмутимо и своим предложением повергает меня в настоящий шок.

– У тебя? – ахаю. Не нахожу слов, чтобы описать свое состояние.

Это ж просто… кошмар!

Пока я пытаюсь справиться с шоком, Сергей подъезжает вплотную к одному из зданий и стоит только ему приблизиться к металлическим рольставням, как те тут же открываются. Начинаем съезжать вниз.

Мне дико хочется психануть, забрать вещи, выйти и отправиться в больницу к своей дочке, но отчего-то я продолжаю сидеть на месте. От неизбежности встречи с женой Сергея становится дурно.

– У меня, – твердо кивает.

Он ведет себя так будто не понимает как это сложно. Смотреть на его жену и ребенка,

– Я ни единого дня не буду находится с твоей женой в одной квартире! – заявляю категорично. Скрещиваю руки на груди, чтобы хоть немного унять дрожь.

Я дико возмущена.

– А кто сказал, что ты будешь с моей женой? – бросает в мою сторону лукавую улыбку.

– Так ты ж сказал, – теряюсь видя его спокойное отношение.

– Выходи, – говорит ухмыляясь.

С удивлением понимаю, что от него исходит некая добро-

та и это меня выбивает из колеи. Я не готова к проявлению сочувствия в свой адрес.

Мне проще стойко выдержать злость и негатив, а вот с нежностью и лаской… Они пробивают любую оборону лучше всякого другого оружия.

Увы, противостоять добру мучительно сложно.

Пока я вожусь с замком и пытаюсь отстегнуть ремень безопасности, Сергей обходит вокруг машины и открывает мне дверь.

– Моя жена живёт на другом месте, – объясняет беззлобно. – Эта квартира пустует, так что ты никого не потеснишь, не переживай по этому поводу.

– Ладно, – продолжая сомневаться киваю.

Молча смотрю, как он вытаскивает из авто мой чемодан и катит в лифтовой холл. Хватаю сумку и спешу следом.

– У тебя несколько квартир? – все-таки не выдерживаю и задаю вопрос. Помню, в прошлом мы с ним обсуждали подобный вариант и тогда Сергей довольно-таки категорично высказывался против обрастания излишней недвижимостью.

– Можно сказать и так, – прилетает уклончивый ответ.

– Понятно, – отворачиваюсь и старательно делаю вид будто рассматриваю лифт. Он здесь достаточно интересный, разрисованный.

Продолжать никому ненужную дискуссию не считаю нужным. Я всего лишь жду, когда Сергей оставит меня одну и

уедет.

Поднимаемся на нужный этаж, Карпов открывает передо мной дверь и я попадаю в просторную квартиру.

– Ой, – ахаю, когда зажигается свет. – Это какой этаж? – с ужасом выглядываю в окно. Страшно.

– Тридцать восьмой, – поясняет совершенно спокойно.

– А можешь занавесить, пожалуйста, – прошу прислонившись к стене. Мне отчего-то стало по-настоящему дурно.

Сергей бросает на меня веселый взгляд, ухмыляется и покачивая головой направляется к гигантскому окну. Оно в пол!

Смотрю как он приближается к прозрачной стене и хочется закричать.

Кусаю губы.

– Трусишка, – стреляет в меня веселым взглядом.

– Ну уж такая, какая есть, – фыркаю. И опять от него закрываюсь.

Карпов делает вид будто ничего особенного не произошло и от одного окна направляется к другому, оттуда к третьему. Каждый раз бросает в мою сторону смешок и снова удаляется.

Странно, конечно, что мой организм вдруг резко решил начать бояться высоты, ведь никогда прежде ничего подобного со мной не случалось, но и на тридцать восьмом этаже я до сегодняшнего дня не была. Может быть будь у него жилье где-нибудь на двадцатом было бы проще…

– Все. Можно спокойно ходить, – заверяет Сергей выходя из последней комнаты.

Озираюсь по сторонам, смотрю на окна и с облегчением выдыхаю понимая, что шторы достаточно плотные и через них ничего не видно.

– Спасибо, – благодарю его от всей души, Карпов проходит в сторону кухни.

– Трусишка, идем чай пить, – говорит с доброй улыбкой.

– Никакая я не трусишка! – вспыхиваю. И тут же замолкаю под его многозначительным взглядом.

Сажусь на стул.

– Я первый раз в жизни испугалась высоты, – признаюсь.

– Все бывает в первый раз, – не отрываясь от своих дел заверяет.

Сергей ставит передо мной на стол две чашки, достает печенье и тоже кладет его на стол, а следом из холодильника вытаскивает сырную и колбасную нарезку.

И в этот момент я вдруг понимаю, что в этой квартире периодически кто-то живет.

Не он ли?

Как интересно…

– С Любой все в порядке. Она в надежных руках и как только можно будет перевести ее в палату, я тебе сообщу, – произносит разливая по кружкам кипяток.

С удивлением вижу как он оставляет место для холодной воды и понимаю, что Сергей до сих пор помнит сколько

именно мне надо ее долить.

Сердце сжимается.

– Ты можешь находиться здесь ровно столько сколько понадобится, – продолжает говорить.

– Я точно не помешаю? – спрашиваю не понимая причины подобной щедрости.

– Поверь, твое присутствие меня не напрягает, – отвечает смотря мне прямо в глаза. – Если ты помнишь, то я не кусаюсь.

– Кусаешься, – говорю до того, как успеваю прикусить язык.

Тут же краснею, потому что перед глазами отчетливо и красочно всплывают картинки, когда именно он это делает.

– Ну только если тебя, – ухмыляется. – Когда ты особенно сладкая, – подмигивает.

Вот нахал!

Захожусь от возмущения.

А он продолжает делать вид будто ничего особенного не сказал.

Садится на стул, делает бутерброд и откусывает от него половину. Жует, пьет чай.

Ведет себя так, будто не собирается уезжать.

– Сереж, – не выдерживаю. – Тебя жена ждет, – напоминаю ему. Меньше всего хочу создавать проблемы женатому мужчине.

– Не переживай, не ждет, – отмахивается от моих слов. –

А дочка у моей мамы. К ней ехать уже поздно.

В шоке смотрю на него, а он вновь кусает свой бутерброд и активно его уминает.

– Ешь давай, больше все равно ничего нет, – показывает мне на еду. – Как проснемся закажу доставку.

– Ты будешь спать здесь? – ахаю. – Но ведь в квартире одна кровать, – озираюсь понимая, что второго спального места здесь нет.

– И что? – пожимает плечами. Смотрит на меня с вызовом. – Помнишь ведь, я не кусаюсь, – подмигивает.

– Кусаешься, – бурчу еле слышно.

Он поднимает на меня полный веселья взгляд.

– Ты опять? – провокационно выгибает бровь. – Кажется, мы сегодня это уже проходили.

Снова подмигивает.

Внутри все пылает.

Глава 16. Сергей

– Сереж, у Агаши температура, – первое, что сообщает мать, когда я набираю ее номер.

Сон резко проходит. Сажусь на кровати и сразу же заставляю работать свой мозг. Нужно понять состояние дочки и выявить причину лихорадки, в голове выстраивается цепочка из предположений.

Повышение температуры может давать всё, что угодно и мне, как врачу, это прекрасно известно.

– Высокая? Можешь сказать точные значения? Другие симптомы есть? – засыпаю её вопросами. Ответ на каждый из них может существенно изменить картинку.

– Хнычет, капризная очень, – произносит встревоженно. – Всё время зовет маму, отказывается от еды, не выпускает пальцы изо рта, – начинает перечислять.\

– Зубы? – озвучиваю первое предположение.

– Нет, – отрицает. – Я посмотрела, там ничего нет.

Странно… Да и по возрасту тоже не должны еще быть.

Что ж с дочкой?..

– Ты ведь не на дежурстве? Приедь, – просит меня.

– Конечно, – тут же соглашаюсь. – Скоро буду, – обещаю поднимаясь на ноги.

Время не терпит, нужно ехать. Дочке плохо, а из родителей рядом никого нет.

Хорошо, что сегодня мне не нужно в клинику, только если Любу проведать. Выходной.

– Ты Свете не звонила? – уточняю на всякий случай. Если нет, то я сам ей наберу. – Она не говорила, что это может быть? Карантин в саду не объявляли? Может оттуда что принесла?

– Ничего не говорила, – фыркает недовольно. – Твоя Света вообще думает только о себе! Она опять улетела отдыхать, – ошарашивает меня новостью. – Ты разве не знаешь об этом? – удивляется искренне.

– В смысле? – охреневаю. – Одна?

У меня банально нет слов.

Моя дражайшая жена совсем поплыла мозгами от безделья? У нее вообще-то ребенок маленький! Разве можно нашу дочь вот так бросать?

Вот же блин…

– Сереж, позвони сам своей жене, – мама старательно увиливает от ответа и правильно делает, она не обязана отвечать за её косяки. – Пусть Света сама тебе обо всем расскажет.

– Я ей позвоню, – произношу недобро. Внутри меня закипает гнев.

Эмоции бушуют в груди.

Чтобы не разбудить разговором мирно спящую Таню, выхожу из комнаты и плотно закрываю дверь, пусть отдыхает. Впереди Танюше не до сна будет, когда Любочка отойдет от препаратов, то спать не будет от слова совсем.

К сожалению побочные эффекты и “отходняки” никто не отменял. Это ужасно, но ситуацию все равно уже не изменить.

Прохожу на кухню, нажимаю на кофемашине кнопку для приготовления капучино, подхожу к окнам и открываю шторы, запускаю в квартиру немного света. Продолжая разговаривать с матерью, подхожу вплотную к стеклу.

Под ногами распростертый город, который живет словно отдельный организм. Дороги и шоссе пронизывают его вдоль и поперек, тем самым напоминая сеть сосудов по телу. А зеленые парки и лесополосы заменяют легкие, деревья выделяют столь необходимый кислород.

– Если ты знаешь куда она улетела, то лучше скажи сейчас, – продолжаю продавливать свою линию. – Она мне ничего не говорила. Я вообще не в курсе, что Света куда-то собиралась.

На том конце провода раздается печальный вздох...

– Сережа, я не понятия не имею куда на этот раз понадобилось уехать твоей жене, – произносит негромко. – Она каждую неделю оставляет мне Агашу, а еще дергает постоянно и просит то отвести малышку на кружок, то забрать и накормить ужином. Ты не знаешь и половины из того, что происходит потому что постоянно находишься на работе.

– Это такой укор в мою сторону? – щурюсь недобро.

Понимаю, мама очень сильно переживает за Агату и у нее банально сдали нервы, но это не дает права обвинять меня во всех смертных грехах.

– Сереж, со своей семьей надо проводить больше времени, – говорит мягче. – Ты уже заработал себе имя, получил богатый опыт. Тебя с руками и ногами возьмут в любую частную клинику. Там нормальный график, выходные…

– Мам, я спасаю жизни детей, – перебиваю ее не желая в сотый раз выслушивать на какой хреновой работе провожу свое время. Это любимая тема для обсуждения стала за последние пару лет.

– Я знаю, что тебе приходится много работать, но ты проводишь там слишком много времени, – поднимает больную тему. – Пока ты спасаешь чужие жизни, твоя проходит мимо!

– Это мой сознательный выбор, – цежу сквозь стиснутые зубы.

Мне надоело вечное недовольство выбранной мною профессией от своих родных. Вместо поддержки они только капают и капают.

– Мам, я выезжаю, – резко перевожу тему в нужное русло. – Скоро буду, – обещаю и завершаю вызов.

Забираю из кофемашины приготовленный кофе, отправляюсь в коридор и на выходе с кухни сталкиваюсь с Таней. Резко торможу.

– Ой, – она отскакивает от меня, но поздно. Девушка оказывается облита кофе. – Ай, – шипит принимаясь скакать то на одной ноге, то на другой. – Горячего.

– Тьфу ты! – бросаю практически пустой стакан на пол и принимаюсь помогать Тане.

Кое-как снимаю пропитанную горячим напитком одежду, она мокрая и поэтому приходится приложить некоторые усилия, чтобы её стянуть.

Справляюсь.

– Где болит? – обвожу взволнованным взглядом свободы гостью. Пристально всматриваюсь ища покраснения.

Если она получила термический ожог, то нужно обработать место как можно скорее.

– Не смотри на меня! – фырчит прикрывая рукой обнаженную грудь.

– Тань, ну чего я там не видел? – ухмыляюсь. – Где болит? – поднимаю не нее внимательный взгляд.

– Ничего страшного, уже легче, – как всегда пытается отмахнуться.

– Ну-ну, – с сарказмом бурчу себе под нос.

Под недовольное пыхтение со стороны девушки всё равно осматриваю её тело, а после отправляю в душ.

Пока Таня моется я вытираю с пола пролитый кофе, переодеваюсь и запускаю стиральную машинку. Как вернусь, развешу.

Не дожидаясь выхода из душа своей гостьи, ухожу.

Уже из машины набираю жену, слушая длинные гудки в очередной раз задаюсь в целесообразности сохранения семейной жизни. Мне кажется, если мы разведемся, то от этого никто не пострадает.

Только нервы целее будут у обоих.

– Привет, дорогой муж, — машину наполняет довольный голос. – Я уже думала, что ты не позвонишь.

– Как видишь, я позвонил, – рычу. – Ты где находишься? Почему не предупредила об отъезде? – вновь закипаю.

Сдерживать рвущиеся из груди эмоции становится сложно.

– Ой, Сереж, всё так внезапно случилось, ты не поверишь! – заливается соловьем Света. Ее голос полон восторга и наслаждения. – Ритка собиралась поехать с Ленкой, а у той вдруг нарисовался какой-то крутой мужик, она не захотела терять такой шанс и поэтому предложила мне выкупить её тур. Представляешь? По цене, которая была полгода назад!

– И? – с ухмылкой задаю вопрос. – Думаешь меня волнует стоимость тура?

– Ой, не начинай, – отмахивается от меня. – Я устала. Мне нужно отдохнуть.

– От чего ты устала, Свет? – откровенно злюсь прекрасно понимая, что она потратила отложенные на другое деньги.

Такими темпами я никогда ни машину не поменяю, ни загородный дом не куплю.

Как было бы хорошо летом отправить Агашу с бабушкой на природу, на свежий воздух. Это же какое подспорье для детского иммунитета!

Но нет. Ее мать устала и ей срочно приспичило поехать на море.

Одной.

– Вернусь через десять дней и поговорим, ладно? – добавляет миролюбиво, а у меня чётко зреет мысль в ближайшие дни подать на развод.

Задолбался.

Чем жить с ней и каждый раз думать не ждет ли меня дома подлянка, уж лучше рассчитывать лишь на себя.

Да, у меня сложная работа и я редко бываю дома, но это не дает никакого права вот так бросать дочь.

– Ты в курсе, что Агата заболела? – интересуюсь пересиливая злость. Состояние дочери единственная причина по которой я в принципе ее беспокою.

Все остальные вопросы будем решать в суде.

Завтра же позвоню Бессонову и попрошу написать исковое.

– Конечно, – заверяет спокойно, чем вновь меня поражает. – У неё вчера поднялась температура, я дала жаропонижающее и всё прошло.

– И все? – охреневаю. – Ты отдала больного ребенка моей матери не предупредив ее об этом?! – срываюсь на эмоции. – Ты совсем охренела?!

– Не смей на меня орать! – шипит. – Я приеду и мы поговорим, – продолжает спокойно. – Сережа, прости, но мне нужно бежать.

Не дав сказать ни единого слова она отключает телефон, а я едва не проскакиваю на запрещающий сигнал светофора.

Внутри меня бушует злость.

Глава 17. Таня

Уже на протяжении часа я слоняюсь из угла в угол и жду, когда вернется Сергей. Мое терпение на исходе, от своей боязни высоты я уже не знаю куда деться. Из-за распахнутой настежь шторы на кухне мне невыносимо трудно пройти мимо. Несмотря на прекрасный вид из окна, я не могу пересилить себя и зайти в помещение.

Там распростерся красивый и большой город… С этой точки он виден как на ладони.

Страшно красиво. Аж ноги подгибаются.

Бросаю взгляд на часы и печально вздыхаю. Уже прошло практически два часа, как Сережа ушел, а я понятия не имею что делать и как быть. На кухню не зайти, воды не попить, выйти из квартиры и сходить за продуктами тоже не выйдет. У меня нет ключей.

Обратно без них точно не смогу вернуться в квартиру.

Видимо Карпов решил, что я без труда справлюсь с бытовыми проблемами. Он ошибся.

Брожу по квартире, то и дело заглядываю на кухню мечтая всё же набраться смелости и зайти. Но, увы, мой страх никуда не уходит. Обидно до жути.

Возвращаюсь в спальню, забираю телефон и с трепетом в сердце набираю номер Сергея. Терпеливо жду когда он ответит, только вот такое впечатление будто он вызов не слышит.

Думать о том, что он не желает принимать мой звонок, не хочу. Слишком больно становится от одного предположения.

– Любочка… Девочка моя… – произношу вслух. Тревога за малышку не отпускает ни на мгновение, мне жизненно необходимо узнать как там она.

Поэтому я делаю глубокий вдох, набираюсь смелости и звоню Сергею еще раз. Только он может ответить на все мои вопросы.

– Слушаю, – в динамике раздается резкий голос Карпова. Он взвинчен и напряжен.

– Сереж, это я, – говорю до того, как он положит трубку. Только сейчас догадалась, что все это время названивала с номера, которого у него нет.

– Таня? – удивленно.

– Ты не в магазине, да? – произношу разочарованно понимая по тишине, что он где-то в небольшом закрытом помещении.

Я вдруг живо представляю его с дочкой, как та улыбается… Сердце пронзает ревность.

– Прости, что побеспокоила, – моментально закрываюсь сожалея о своей несдержанности.

Не нужно было ему звонить.

– Все в порядке, не извиняйся, – тут же начинает говорить со мной другим тоном. – Ты как? Кожа не болит?

– Нет, – прислушиваюсь к своим ощущениям. – Все в по-

рядке. Подскажи, как мне спуститься в магазин? Хочу купить продукты, а где ключи не знаю.

– Они у меня, – говорит виновато. – Совсем забыл выложить.

– Поняла, – вздыхаю.

Видимо, придется мне сидеть голодной…

– Ты не проверял Любочку? Как она? – переключаюсь на более важную тему.

Насчет еды не беспокоюсь, хлеб вроде есть. Кое-что после ужина тоже осталось.

В конце концов, посижу на воде. Буду стройняшкой.

– У нее все в порядке. Завтра большой обход и будем принимать решение о ее переводе в палату, – заверяет.

Настроение плавно поднимается вверх.

– Па-па, бо-бо, – раздается на том конце провода хнычущий детский голос.

Меня прошибает словно током. Делаю резкий глубокий вдох и задерживаю дыхание.

– Ты занят, – констатирую факт. – Поговорим позже.

– Ладно, – соглашается со мной и кладет трубку.

В смешанных чувствах медленно опускаюсь на ближайший стул. На душе скребут кошки, сердце сжимается от боли как только подумаю о своем нерожденном малыше… И о трудностях, через которые проходит Люба.

Горько так сильно, аж слезы наворачиваются на глаза. Очень хочется себя пожалеть, ведь я всего лишь хотела быть

счастливой…

Вдруг в моих руках оживает телефон. Смотрю на экран и с удивлением вижу номер абонента.

– Татьяна, добрый день, – раздается сухой деловой голос хозяйки квартиры, которую снимаю.

– Тамара Михайловна, здравствуйте, – настороженно ей отвечаю.

Я проплатила арендную плату на два месяца вперед, она не должна мне звонить и поэтому ее звонок очень сильно меня беспокоит.

– Что-то случилось? – спрашиваю старательно не выказывая своей тревоги.

– Да нет, ничего особенного, – все так же сухо произносит она.

– Тогда почему вы звоните? – недоумеваю.

– Я решила продать квартиру, – ошарашивает меня новостью.

– Что?! – ахаю. Холодный пот пробегает по позвоночнику. – Как продать? Мы ведь с вами договаривались о долгосрочной аренде!

– Моя собственность, – отрезает жестко. – Что хочу, то и делаю.

– Но я ведь совсем недавно у вас живу, плачу в срок и даже наперед, – пытаюсь справиться с потоком своих мыслей. – Я только недавно риелтору отдала стоимость месяца проживания в вашей квартире!

– Меня это должно волновать? Такова жизнь, – усмехается. – Наведи порядок, – говорит словно не слышит моих возмущений. – Завтра начну приводить клиентов смотреть. Все должно быть идеально.

– У меня наперед проплачено полтора месяца. В нашем с вами договоре прописаны четкие условия преждевременного расторжения, – напоминаю на тот случай, если вдруг женщина забыла.

Я специально настояла на подписании договора, как чувствовала.

– Соплячка! – взрывается хозяйка квартиры. – Ты смеешь мне угрожать?

– Я всего лишь констатирую факт, – по крупицам собираю силы, чтобы остаться спокойной. Эмоции мне не помогут решить проблему, нужно думать холодной головой. – Мы с вами подписали договор. У каждой из сторон есть свои обязательства и ответственность. Я четко выполняю свои, так и вы будьте добры, тоже.

Но судя по возмущенному сопению в динамике, хозяйка квартиры явно не разделяет мое мнение. Она настроена решительно и будет стоять на своем до конца.

– Да я тебя из квартиры сейчас вышвырну! – кричит она.

– Не вышвырните, – заявляю спокойным тоном, хоть у самой внутри все дрожит. – Меня там нет. А если тронете мои вещи, то я заявлю на вас в прокуратуру и в налоговую. Пусть проверяют правомерно ли вы сдавали эту квартиру и по ка-

кой причине не платили налоги.

– Ах, ты! – заходится в гневе.

– Между нами заключен договор, – отрезаю. – Каждая сторона должна его соблюдать.

Хозяйка квартиры обзывает меня дрянью, проституткой и тварью, затем в сердцах швыряет телефон об стену. Судя по звуку это все-таки действительно была стена.

Отключаюсь.

Внутри все трясется.

Кажется, нужно искать новое жилье, а денег на него кот наплакал…

Звонок в дверь вырывает меня из ступора и резко возвращает в реальность. Подскакиваю на ноги и несусь в коридор, смотрю в глазок, там человек в рабочей форме. С опаской открываю дверь.

– Доставка, – говорит доставая пакеты с продуктами из коробки и с невозмутимым видом ставя их в коридоре.

Глава 18. Сергей

– Не понимаю, почему ты раньше молчала? – смотрю на свою мать и не могу подобрать нужных слов.

Признайся она в половине из того, что рассказывает сейчас, мой брак со Светой был бы расторгнут тут же.

– Сереж, однажды я уже высказалась по поводу твоей девушки и вы разошлись. Я видела как ты страдаешь, но ничем не могла помочь, – говорит с горечью. – Поэтому решила больше в твою жизнь не влезать. Ты у меня мальчик умный, сам разберешься.

– По поводу девушки? – хмурюсь. Что-то не припомню подобного разговора. – Ты Таню имеешь ввиду? – уточняю.

Единственная, о ком можно подумать.

– О ней, – кивает подтверждая мою догадку. – Она никогда не нравилась мне, – начинает делиться. – Своенравная, старших не слушает. Слова поперек не скажи! – кривится.

– Но ведь не тебе с ней жить, – подмечаю старательно глуша разрастающуюся в центре груди боль.

Кажется, я начинаю понимать откуда у нашего с Таней расставания растут ноги и почему мама так радужно отнеслась к новости о моей свадьбе со Светой. Они знакомы были всего ничего.

Похоже, меня обвели вокруг пальца.

– Ты достоин лучшей девушки, сын, – заверяет с жаром.

– Не той, которая себе на уме и делает лишь то, что хочет. Тебе нужна покладистая, нежная, заботливая жена.

– Такая, как моя нынешняя жена? – спрашиваю не сдерживаю сарказма.

От слов матери хочется хохотать. Она несет такую чушь, что приличных слов не находится.

Где Света и нежность? Забота, любовь?..

Не понимаю, с кем она ее путает.

Таня всегда искренне заботилась обо мне. Она внимательно слушала все мои рассказы, интересовалась моими успехами и врачебной жизнью, слушала.

У нее для меня всегда был запас еды, а еще одна столько раз приезжала ко мне на сутки и привозила контейнеры с горячим обедом и ужином… Не сосчитать!

Но однажды все пошло не так.

И мы с Таней расстались.

– Тебе так претит мысль, что я был счастлив с девушкой, которую ты не одобрила, что решила лучше уж любая другая, но только не она? – не скрываю разочарования, которое испытываю сделав выводы.

А ведь действительно. Все так и есть.

Родители всегда были против наших с Таней отношений. Я никогда не нравится ее родне, а она моим. Как узнали, что мы вместе, так восприняли новость в штыки.

Почему только сейчас, спустя столько времени, я об этом задумался?..

– Сынок, – ласково обращается ко мне мать. Она смотрит на меня с трепетом и непередаваемой любовью, а еще замечаю печаль на глубине глаз. – Твоя Света далеко не самый худший вариант, – начинает меня переубеждать.

– Ага, – ухмыляюсь горько. – Мать-кукушка, готовая бросить свою больную дочь ради поездки на море.

– И ладно, – отмахивается. – Ты посмотри какая Агашенька у нас красавица зато, – показывает на играющую на ковре мою дочь. Ей стало гораздо лучше после жаропонижающего.

Я осмотрел Агату от и до, позвонил Ларину, уточнил у него какие в нашем районе гуляют вирусы. Славка в курсе всего происходящего вокруг, он отличный диагност и работает неподалеку в клинике.

Его бы к нам в отдел, да жаль, что он не хирург. И к операционной никакого отношения не имеет.

– Сереж, поверь, Свете тоже тяжело, – продолжает меня убеждать. – Она целыми днями сидит дома, а ты пропадаешь на работе. Ей нечем себя занять, вот и мается со скуки.

– Мам, серьезно сейчас? – внутри закипает злость. – Ты хоть осознаешь то, что говоришь? – охреневаю.

– Ну конечно, – кивает с невинным выражением на лице. Она похоже реально не осознает весь масштаб трагедии.

– Света бездельничает, – отрезаю жестко. – Она не нуждается ни в чем от слова совсем. Я ее содержу, потакаю практически во всех тратах и никогда не ограничивал ее в том, что мы реально можем себе позволить, – меня несет. – Она

ни дня не работала и не понимает ценность денег. Считает будто я гребу их лопатой и поэтому может потратить мою месячную зарплату за раз, а потом ходить и недоумевать, что у нас на ребенка не хватает.

– Это было всего лишь раз, – вступается за нее. – Она исправилась!

– Вижу, – говорю горько.

Моя жена тупо просрала все отложенные мною бабки на себя и теперь непонятно когда я вообще машину поменяю.

Поднимаюсь со стула, подхожу к графину с водой и наливаю в стакан. Выпиваю его одним махом.

– Мне нужно отъехать по делам, – отрезаю сурово.

– А как же Агата? – брови матери взлетают вверх.

– В каком плане? – не понимаю.

– Сереж, я не могу с ней сидеть все выходные. У меня тоже есть свои дела, – вдруг ни с того ни с сего заявляет.

– Какие? – уточняю глуша рвущееся раздражение.

Мне нужно заехать в отделение, проверить Любу и обсудить с Майоровым ее состояние. Данные анализов, которые скидывает Санек меня очень сильно настораживают.

С Любочкой что-то не то. И нам обязательно в этом нужно разобраться!

К тому же сегодня выходной день, в клинике практически никого нет и я хотел провести в реанимацию Таню. Пусть она не говорит как сильно переживает о дочери, но я прекрасно ее знаю и вижу реальное положение вещей.

Ее нервная система истощена, она требует отдыха и релакса. Резко взявшая боязнь высоты явное тому доказательство.

Психика Тани не справляется с той нагрузкой, которую девушка тащит на себе. А почему она одна и родители ей не помогают, не представляю.

– Завтра праздник большой. Вечером служба допоздна будет, а утром еще одна, – аккуратно сообщает мама. – Агашу так надолго одну не оставить.

Шах и мат, Карпов. Шах и мат.

– Я понял тебя, – цежу сквозь стиснутые зубы. – Во сколько нужно Агату забрать? – смотрю на стрелки на наручных часах и пытаюсь прикинуть сколько у меня осталось свободного времени.

———

Хорошие мои! Практически про всех врачей, которые упоминаются в книге, есть отдельные истории. Могу рассказать подробнее, если интересно. Спрашивайте!

Глава 19. Таня

– Собирайся! – взволнованным голосом говорит Сергей как только я отвечаю на звонок.

– Куда? – вырывается нервный смешок до того, как я успеваю взять себя в руки. Все-таки открытое окно на кухне выбило меня из колеи.

– Тань, времени нет, – произносит сурово. – Приеду через пять минут. Жди.

– Хорошо, – отвечаю растерянно.

Не понимаю к чему подобная спешка, но перечить не стану. Карпов и так очень многое делает для меня.

Жаль, конечно, что не удалось покушать, ведь на кухню зайти я так и не решилась, поэтому придется думать о перекусе по пути. Может быть успею зайти в магазин и купить питьевой йогурт, например.

Было бы не плохо.

Переодеваюсь, складываю в сумочку свои документы и деньги, а остальное оставляю в комнате, где спала. Думаю, так будет правильно.

– Готова? – спрашивает с порога Карпов.

– Почти, – выскакиваю из комнаты и бегу в коридор обуваться. – Теперь, да, – заявляю лучезарно.

– Идем, – холодно бросает мне.

Не произнеся ни единого лишнего слова спускаемся вниз,

на подземную парковку, Сергей открывает для меня переднюю пассажирскую дверь, забираюсь в автомобильный салон и пристегиваюсь.

Карпов зол.

Стартуем с места в ту же секунду, как только Сергей садится за руль. По всем его повадкам вижу, как сильно мужчина торопится и мне становится неловко от понимания, что он так нервничает из-за меня.

– Сереж, что случилось? – не выдержав интересуюсь. Накручивать себя уже не могу.

– Все в порядке, – коротко отвечает не отрывая взгляда от дороги. – Я злюсь не на тебя.

– А на кого? – спрашиваю и тут же прикусываю язык. Может быть я лезу не в свое дело?

Не хотелось бы вмешиваться в чужую личную жизнь, ведь по себе знаю как это неприятно.

Карпов бросает на меня красноречивый взгляд, ухмыляется и снова переводит внимание на дорогу.

– Все в порядке, – повторяет с нажимом. – Не бери в голову.

– Угу, – поджимая губы киваю. Вот и поговорили…

Становится очень обидно.

Лучше вообще буду до конца поездки молчать! Так хоть ни его раздражать своим присутствием не буду, ни расстраиваться от негативной реакции.

Насупившись, скрещиваю руки на груди и отворачиваюсь

к окну. В груди растет горькое разочарование.

Жаль, что после нашего расставания у меня так и не вышло отпустить чувства к Сереже. Они впали в спячку и не показывались на протяжении нескольких лет, а теперь, после новой встречи, проснулись.

Я снова чувствую его эмоциональный фон, снова без слов понимаю, когда мужчине нужна поддержка. Но вот только он ведет себя как колючий еж.

Дикобраз! С растопыренными иголками.

Мы едем по незнакомым для меня улочкам, выезжаем на шоссе и только под конец поездки я наконец понимаю, куда именно он меня везет.

К Любочке!

От понимания, что скоро увижу свою девочку сердце принимается колотить в груди как ненормальное, оно сбивается с ритма и от этого у меня периодически спирает дыхание. Думать становится тяжело.

Волнение выходит на новый уровень.

– Мы едем в клинику? – восторженно спрашиваю смотря на Сергея.

– Ну а куда ж еще? – он ухмыляется. – Ты думала, что я отвезу тебя в магазин пошопиться? Или на экскурсию по городу?

Горечь и злость в его словах пронзают мою тщательно выстроенную оборону насквозь. От обиды за подобное отношение на глаза наворачиваются слезы.

Да разве так можно? Я вообще ни о чем его не просила, он все решил сам! А теперь еще бьет по самому больному…

– Если мое присутствие тебя так сильно напрягает, то не нужно было вообще связываться со мной, – произношу пряча обиду в душе и чуть выше, чем положено, вздернув подбородок. – Я тебя не просила!

– Да, ты права. Нужно было оставить тебя разбираться со всем самой, – кидает раздраженно.

– Вот именно! – вспыхиваю.

Карпов резко берет вправо и дает по тормозам. Останавливается на обочине, нажимает на “аварийки” и разворачивается ко мне. В его глазах бушует настоящая буря.

Вижу как много он хочет сказать и понимаю, ни одно слово из этого мне не понравится.

Набираю в грудь как можно больше воздуха, готовлюсь отразить словесный удар. Будет больно, я в этом уверена.

– Танечка, – называет уменьшительно-ласкательную форму моего имени, но оно из его уст сейчас выглядит как самое настоящее ругательство. – Добро пожаловать во взрослую самостоятельную жизнь. Здесь далеко не всегда мы делаем то, что хочется.

Резко разворачивается, отстраняется от меня и выходит из авто. Я дергаю ручку, чтобы отправиться следом, но дверь с моей стороны оказывается заблокированной.

Глава 20. Сергей

Возвращаюсь в машину спустя несколько минут. Молча сажусь за руль, так же молча трогаюсь с места.

Я не желаю сейчас разговаривать, потому что если начну, то точно не сдержусь и выскажу Тане все, что думаю по поводу ее претензий.

Все мои мысли сейчас заняты болезнью Агаши и банальным непониманием, как дальше быть. Я не смогу сбросить ребенка на свою мать, а сам с головой уйти в работу.

Моя дочь моя зона ответственности.

Внутри меня во всю кипит буря, но она уже не затмевает разум и я этому несказанно рад. У меня всё же вышло её одолеть и взять под контроль. Наконец-то.

Удивительно, но рядом с Таней мои нервы напоминают два высоковольтных провода, которые оголены. Они то и дело соприкасаются.

Любой контакт это взрыв и боль. Раскаленная лава по коже.

Не понимаю почему мне вдруг резко стало тяжело контролировать свои эмоции и чувства. Стоит только Тане появиться в поле видимости, так всё. Хана.

Моя нервная система выпадает в осадок.

– Приехали, – объявляю паркуя тачку напротив служебного входа.

Сегодня выходной и через него мы пройдём без каких-либо проблем. И лучше уж сделать это минуя центральные двери, лишние вопросы никому не нужны.

Выхожу из салона, останавливаюсь у капота и жду, когда Таня подойдет ко мне, но она не спешит этого делать продолжая оставаться в машине. Намеренно выводит меня из себя.

У меня время поджимает, если встрянем в пробку, то назад не успею вернуться. И тогда мать не успеет на службу.

Потом не согласится у себя Агату оставить.

Капец, блин.

Как не вовремя это все… Совершенно!

Но буду как-то разгребать.

– Ты долго собираешься отсиживаться в машине? – не выдержав открываю переднюю пассажирскую и спрашиваю.

– Ровно столько, сколько понадобится, – прилетает в ответ.

Таня вновь отворачивается.

Охреневаю.

– Объясни, – требую.

– Чего объяснять? – вспыхивает от возмущения. – У меня ребенок в реанимации, с работы уволили, хозяйка квартиры, которую я снимаю, собирается выкинуть все мои вещи и продать, помощи ждать неоткуда! Поверь, последнее, о чем я думаю, так это как тебе угодить!

– В смысле помощи ждать неоткуда? – не понимаю сути претензий. Такое впечатление, что у нее нет никого из род-

ных.

– Сергей, ты для чего меня сюда привез? – зло сверкая глазами меняет тему. – Явно не для того, чтобы копаться в моих проблемах. Ведь так? – щурится.

– Я тебя привез, чтобы дочь показать, – говорю уже совершенно спокойно.

– Спасибо, – шепчет еле слышно. Кажется вспышка гнева забрала последние силы и теперь она напоминает сдувшийся воздушный шарик.

Мне вдруг становится ее искренне жаль.

Озвученные Таней проблемы окончательно выбили меня из колеи. Я даже подумать не мог, что так много способно навалиться на хрупкие женские плечи.

По сравнению с ее бедами, мои трудности детский лепет. Вот честно.

Смотрю на нее и все же никак не могу понять, что случилось с ее родными и почему она утверждает, что ей никто не станет помогать. У нее прекрасная семья и у меня в голове не укладывается ее нынешнее к ним отношение.

Словно не существует их больше.

Но это ведь бред! Если б с родителями Тани что-то случилось, мне бы сказали.

Вижу растерянный и полный боли взгляд, он бьет прямо в сердце. В центре груди вновь просыпается стойкое желание оградить ее ото всех бед и проблем, защитить от несправедливости жизни.

С учетом нашего прошлого удивительно, что я вообще испытываю к ней чувства до сих пор. После ее предательства…

Ну их нафиг!

– Пойдем, – говорю забивая на требования здравого смысла. В порыве чувств беру ее раз руку, веду за собой. Она покорно идет следом.

Минуем входные двери, поднимаемся на лифте на верхний этаж, никого не встречаем и это настоящее счастье. Вход в реанимацию посторонним запрещен, я могу получить по первое число, но интуиция вопит Тане показать дочь. А интуицию я привык слушать крайне и крайне внимательно.

– Пришли, – объявляю останавливаясь напротив матовых плотных дверей. – Тебе нужно будет одеться, – предупреждаю.

– Я вроде одета, – не понимая осматривает себя. Ухмыляюсь.

– Не в это, – отвечаю покачивая головой.

Захожу в отделение, достаю из ящика необходимое и возвращаюсь к Тане. Она стоит и покорно ждет меня рядом со входом.

– Держи, – протягиваю девушке халат, бахилы, шапочку и маску. – Это нужно одеть.

Она смотрит на них скептически.

– Почти скафандр, – заключает с легкой улыбкой и забирает обмундирование из моих рук.

– Без него нельзя, – объясняю очевидные для меня вещи.

– Да я понимаю, – печально поджимает губы и расправляет халат. Смотрит на него оценивающе. – Не утонуть бы, – вздыхает и одевается.

Надев на себя всю амуницию Таня выглядит весьма интересно. Она словно большой голубой ком, без форм и без пола. Ничего не понять.

– Отлично выглядишь, – подкалываю ее с легкой ухмылкой.

– Я знаю, – с усмешкой произносит она.

– Ну раз так, то прошу, – произношу открывая дверь и пропускаю Таню в свою вотчину.

Видеть ее в привычных стенах своей работы весьма непривычно и я испытываю странную смесь эмоций, которые не получается грамотно охарактеризовать. Поэтому я решаю не тратить свои силы зря и игнорирую свои чувства.

Не до них сейчас.

Подвожу Таню к Любочке.Малышка находится в отдельном боксе и никто из посторонних сюда не пройдет, за ее жизненными показателями неустанно следят медсестры. Девочка находится на особом контроле.

Малышка находится в медикаментозном сне, маленькое тельце все сплошь увито трубочками, сама не дышит.

– Любочка, – на выдохе произосит Таня кидаясь вперед. В ее глазах так много боли… Я никогда больше не видел.

Глава 21. Сергей

– Сань, слушай, мне не нравятся анализы Любы, – делюсь с другом своими опасениями. – На первый взгляд ничего критичного нет, но ты ведь прекрасно знаешь, что начало заболевания легче всего пропустить.

– Что именно тебя смущает? – щурится присаживаясь на стул стоящий рядом со мной и всматривается в историю болезни.

Хмельницкий отличный диагност, его взгляд подмечает даже самые мельчайшие детали. Я не представляю как Саня может видеть общую картину состояния пациента до того, как она обрастает клиническими признаками.

Он мегамозг.

– Посмотри на коагулограмму и на общий клинический, – показываю Сане на результаты. – Ничего не напрягает? – уточняю прекрасно осознавая, что он меня понял.

– Ты операцию в расчет не берешь? – говорит Хмельницкий, смотрит на заключение из лаборатории и хмурится. – Дай время ребёнку, – говорит уже не так уверенно.

– Не, Сань, – продолжаю стоять на своём. – Что-то мне подсказывает, что времени у нас нет. Вовсе.

Последние сутки у меня буквально во все горло вопит интуиция и я никак не могу понять причину подобного, ведь явных признаков для беспокойства никаких нет. Наверное

поэтому я хожу таким напряженным и слишком остро реагирую на простые вопросы. Нервная система сборит.

– Парни, звали? – в кабинет заглядывает Миша Майоров. Он как всегда собран и бодр.

– Проходи, – показываю ему на соседний стул.

Миша присаживается рядом с нами, я вручаю ему историю болезни Любы, где прикреплены результаты всех ее анализов и можно отследить негативную динамику по некоторым из них.

Майоров внимательно изучает данные и чем дольше он это делает, тем глубже становится складка между бровей.

– Блин, парни, – задумчиво отрывается от бумаг. – А ведь, действительно, у девочки нарушена свертываемость, – бросает взгляд вниз. – И стремительно падает гемоглобин, – добавляет. – Нам нужно срочно делать переливание крови, – поднимается со стула и начинает расхаживать по кабинету. – Иначе не факт, что получится остановить этот процесс.

– Согласен, – печально киваю. К сожалению, лейкоциты тоже особо не радуют, иммунитет на нуле.

– Дайте ей сутки, – Хмельницкий продолжает стоять на своем. – Не забывайте, ребенок перенес сложную операцию. Организму нужно время, чтобы восстановиться.

– Сань, но ты ведь прекрасно знаешь, что потом у нее может не быть времени, – давлю на своем.

Атмосфера в кабинете становится тяжелой.

– Знаю, – все так же хмурясь кивает. – Но если мы сейчас

перельем кровь и выведем ее из этого состояния, то не факт, что организм в дальнейшем сможет самостоятельно выходить из кризиса. Он тупо каждый раз будет ждать помощи из вне.

Саня прав.

Как бы хреново на душе не было, как бы интуиция не вопила и как бы не хотелось помочь малышке, это испытание пройти она должна сама.

– Блин, и не поспоришь, – Миша сжимает губы и качает головой. – Давай пробовать.

– Только давайте все же возьмем согласие у ее матери, – предлагаю. – Чтобы ты в любой момент мог начать переливание.

Хмельницкий ухмыляется.

– Давай, – кивает.

– Таня здесь? – брови Майорова удивленно подлетают вверх.

– Она с Любой в реанимации, – говорю таким тоном, что парни даже не думают что-либо комментировать. Зато переглядываются и по взгляду прекрасно видно что они думают обо всем этом. – Что? – сурово смотрю на каждого из них.

– Ничего, – лыбятся довольно. Ржут.

– Да ну вас, – отмахиваюсь беззлобно.

Только собираюсь выйти из кабинета и позвать Таню, как слышу звонок своего телефона. Ловлю на себе вопросительный взгляд Санька.

– Иди к ней, – киваю на дверь. – Она в боксе у дочери. Я скоро подойду.

– Без проблем, – отзывается выходя в коридор.

Саня и Миша уходят, а я тем временем достаю телефон, вижу кто звонит и крепко сжимаю губы предвкушая неприятный разговор. Мне совершенно не хочется тратить свое время на выяснение отношений с практически бывшей женой, но прятать голову в песок и игнорировать ее звонки я тоже не стану.

– Ты еще не все мне сказала? – ухмыляюсь недобро.

– Сереж, ну не начинай, – протягивая гласные произносит она. Говорит такой интонацией, какой обычно говорят блогеры и этот "акцент" довольно сильно бьет по мозгам.

– Когда начну, ты почувствуешь, – обещаю. Света даже понятия не имеет какие неприятности я могу ей устроить. – Что хотела? – спрашиваю в лоб.

– Мне не понравилось, как мы с тобой закончили разговор и вот решила тебе перезвонить, – объясняет. А мне от ее слов хочется смеяться только сильнее.

– Не понравилось? – усмехаюсь. – А больную дочь бросить на мою мать понравилось? Оставить ребенка одного тоже понравилось? Как тебе отдыхается после этого? Хорошо? – цежу зло.

– Опять начинаешь, – вздыхает печально.

– О, нет, дорогая, – произношу со злорадством. – Поверь, я даже не начинал, – ухмыляюсь недобро. – Ты еще о чем-

то поговорить хотела?

– Я не хочу, чтобы ты на меня обижался, – заявляет миролюбиво. От ее слов я на миг охренел.

– Свет, сейчас разговаривать с тобой я не собираюсь, – категорично заявляю. – Как вернешься, там и поговорим.

Завершаю вызов и убираю телефон, но стоит только ему попасть в карман, так он снова начинает трезвонить. Света не успокаивается и продолжает названивать.

Отключаю звук.

Выхожу из ординаторской и иду в бокс к Любе и Тане, я крайне ограничен по времени и нам нельзя терять ни единой минуты.

Агашу нужно успеть перехватить.

– Когда вы переведете Любочку в палату? – слышу встревоженный голос своей бывшей и сердце вдруг сжимается. Так хочется ей помочь…

– Татьяна, – говорит Саня и по его интонации я прекрасно понимаю, что именно он собирается озвучить. Для Тани новость станет ударом, я знаю.

Вишенка на торте среди всех прочих проблем.

– Танюш, Любочку переведут в палату как только мы убедимся, что ее состоянию ничего не угрожает, – перебиваю Хмельницкого на полуслове. Бросаю в его сторону красноречивый взгляд.

В моей голове до сих пор звенит полный боли голос Тани, я как сейчас вижу ее затравленный взгляд. Боюсь новость

про ухудшение состояние дочери, она банально не перенесет.

– С Любочкой все будет в порядке, – заверяю. Я не допущу, чтобы с малышкой что-то случилось. Особенно учитывая, что это моя дочь.

– Правда? – смотрит на меня полными беспокойства и надежды глазами.

Хмельницкий отрицательно качает головой.

Нам нельзя обнадеживать родителей, ведь произойти может все, что угодно. Но сейчас я банально не могу этого сделать.

Хочу Таню хоть как-то поддержать.

– Да, – твердо киваю. – Не переживай, – прошу.

– Только подпиши вот эти документы, – Саня протягивает планшет с прикрепленным согласием на переливание.

– Что это? – уточняет.

То, что при негативном раскладе спасет нашу дочь.

Глава 22. Таня

Немного успокоившись выхожу из душа и без сил падаю на кровать. Сегодняшний день был крайне выматывающим и тяжелым, собственно как и несколько последних.

Видеть свою девочку без сознания и лежащую без движения, обвитую всевозможными трубками и шлангами, оказалось выше моих сил. Переступив порог стерильного реанимационного бокса, я едва сумела сдержать рвущиеся из самого центра сердца слезы.

Моя бедная малышка… Как жаль, что я не могу помочь тебе облегчить страдания или хоть немного забрать твою боль…

Маленькая моя девочка, тебе столько всего пришлось пережить… Без родной матери, а всего лишь со мной.

Тоска по родным накрывает с новой силой. Как же мне не хватает их помощи и поддержки! Кто б только знал.

Я так надеялась, что все наши испытания останутся в прошлом, что мы сможем жить дальше спокойно и не оглядываться в прошлое. Увы, я ошиблась.

Горько.

Телефонный звонок вырывает меня из печальных мыслей и заставляет подняться с кровати. Направляясь на звук прихожу в коридор, вижу забытую Сережей ветровку и в груди екает. Мое сердце рвется к нему, а логика и здравый смысл

противостоят этому.

– Слушаю, – отвечаю негромко. После долгого плача голос дрожит и Карпов быстро поймет мое состояние, а я не хочу, чтобы он знал как сильно мне плохо.

Пусть лучше считает меня бессердечной сволочью и не догадывается как мне плохо. Я не хочу к нему привязываться снова, слишком тяжело было тогда отпускать.

– Тань, – в динамике раздается усталый до невозможности голос Сергея. – Прости, что отвлекаю, но мне нужна твоя помощь, – говорит таким голосом, что тут же напрягаюсь. Его звонок ничего хорошего мне не сулит.

Карпов буквально выдавливает из себя каждое слово, я чувствую его настрой и мне становится еще печальнее. Если он не хочет со мной общаться, то зачем тогда позвонил?

Зачем помогает? Зачем снова залезает под кожу?

Я не хочу! Я не стану его вновь к себе подпускать!

Мы расстались. Он женился на другой, у него даже есть ребенок и мои чувства, проблемы и переживания для него теперь пустое место, увы.

Я сейчас слишком ранима, чтобы мы могли с ним общаться. Мое сердце не выдержит еще одного предательства, я сломаюсь.

На эмоциях хочу положить трубку, но в последний момент нахожу в себе силы и заставляю себя остановиться. Раз Сергей обратился за помощью, значит у него что-то случилось.

Ведь он позвонил мне явно не просто так.

– Помощь? – недоумеваю. Я вряд ли смогу ему чем-то помочь. – Какая? – спрашиваю с бешено колотящимся сердцем. В голове рождается сотни предположений, одно хуже другого.

Несмотря на наши взаимоотношения, Сергей сделал мне много добра и я не смогу ответить ему отказом. Ведь если б не он, не понятно что было бы с Любочкой, я добиралась до города и обратно на перекладных и потратила на поездку слишком много времени. А еще жила б непонятно где…

Потому что в отделение меня не могут положить, ведь мой ребенок находится в реанимации. В медицинском центре есть четкие инструкции на этот счет.

– Приедешь ко мне? – задает вопрос, от которого у меня брови подлетают наверх.

– К тебе? – ахаю.

– Не переживай, меня дома не будет, – ухмыляется считывая мой настрой. – Нужно посидеть с Агашей, она приболела. Кроме тебя мне не к кому обратиться за помощью, – признается.

А у меня банально нет слов.

– Твоя жена против не будет? – уточняю прекрасно понимая, что ничего хорошего от нашей встречи ждать не придется. Отчего-то я уверена, его супруга отлично знает кто я.

– То, что думает моя жена, меня не волнует, – отрезает жестко. – Так приедешь? Мне в отделение нужно, там аврал.

Последняя фраза действует на меня как ушат ледяной воды посреди летнего зноя, никакого другого решения даже может не быть.

– Приеду, конечно, – соглашаюсь стараясь не задумываться о последствиях. – Адрес диктуй.

Договорив с Сергеем завершаю вызов и начинаю экстренно собираться. Наспех одеваюсь, сушу волосы, хватаю сумочку и выскакиваю из квартиры. Вызываю такси.

Да, денег мало, но сейчас время дороже. Деньги я смогу заработать, а если сейчас буду их экономить, то потеряю время.

Время, за которое Сережа сможет кого-то спасти.

К дому Карпова приезжаем на удивление быстро. Расплачиваюсь с таксистом, захожу в подъезд.

Без труда нахожу номер нужной квартиры, дожидаюсь пока мне откроют дверь.

– Проходи, – говорит Сергей пропуская меня внутрь. Он уже полностью одет.

– Где Агата? Чем помочь тебе? – спрашиваю с порога прекрасно понимая, что у него время не терпит.

– Она спит, – кивает на спальню. – Час назад я дал ей жаропонижающее, оно должно действовать порядка шести часов. Никаких других симптомов у нее не было, если вдруг появятся, то сразу же мне сообщи, – дает указания.

– Хорошо, – киваю старательно запоминая каждое его слово. – Не переживай, я справлюсь, – заверяю его.

Главное, чтобы малышка не испугалась меня, ведь я для нее по факту чужая тетя и увидит она меня в первый раз.

Провожаю Карпова, он уходит, а я закрываю на замок обе двери. Оборачиваюсь и… сердце пропускает удар.

Мне становится дико неуютно находиться в квартире Сережи, чувствую словно подглядываю за его жизнью. Не по себе.

Но делать нечего! Не могу отказать в помощи Карпову, ведь если учесть, что его дочери плохо, то кем же я буду отправив его на четыре стороны?

Тварью. Вот кем.

– Справимся! – подбадриваю себя смотря в зеркало. Улыбаюсь через силу и на душе становится чуточку легче.

Тихо переступая с ноги на ногу, дохожу до спальни. Приоткрываю дверь и захожу в комнату, прислушиваюсь.

При тусклом свете на большой кровати мирно спит маленькая девочка. Она равномерно дышит, нос не заложен, на лице полное умиротворение.

Сердце наполняется любовью как только я вижу ее.

Копия Сережи… Такая красивая…

Чувствую болезненный укол в груди. Наш малыш мог быть для нее отличным братом… Уверена, он был так же сильно похож на отца.

С трудом отбросив прочь горькие мысли, подхожу к крошке и трогаю ее лобик. Он прохладный, жара нет.

Только собираюсь выдохнуть от облегчения и лечь рядом,

как слышу доносящийся из коридора стук в дверь.

Кто-то пришел. Может Сережа? Наверное, он что-то забыл.

Поднимаюсь с кровати, иду на звук. Открываю дверь и застываю на пороге.

– Ты?! – не меня с ненавистью смотрит пара столь хорошо знакомых мне глаз.

Дорогой читатель! Ты дочитал до конца ознакомительного фрагмента, чтобы читать дальше, нужно оплатить доступ. Он оплачивается лишь один раз, последующих оплат не требуется. Если возникают трудности, но нужно обратиться в службу поддержки. "Бывший. Спаси нашу Любовь" от Кэти Свит роман, который не оставляет равнодушным. Присоединяйтесь к сотням читателей, которые уже приобрели историю и утолили свое любопытство!

Глава 23. Таня

– Валентина Сергеевна? – в шоке смотрю на маму Сергея. – Что вы здесь делаете? – недоумевая интересуюсь у нее.

Сережа сказал, что его мать занята и не сможет приехать, у нее до самой ночи какие-то крайне важные дела. Если б я знала о ее визите, то точно б не согласилась помочь ему, ведь знаю как люто она ненавидит меня.

Зачем лишний раз портить нервы взрослой женщине? Их у нее не так много осталось, увы.

– Что я здесь делаю? – ахает. На ее лице написано самое настоящее возмущение. – Вообще-то здесь живет мой сын со своей семьей! Как у тебя наглости хватило сюда явиться?! Снова решила запудрить Се

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.